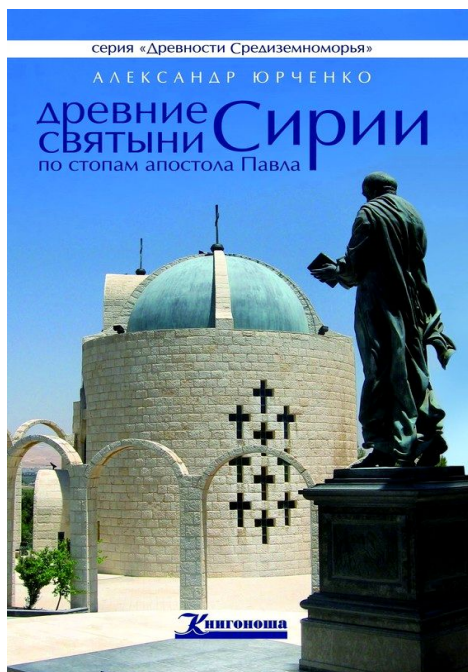

Александр Юрченко

Древние святыни Сирии. По стопам апостола Павла

Вместо предисловия

Скажу откровенно, вводная часть далась мне труднее, чем написание самой книги, начальные главы которой вообще писались в состоянии эйфории от увиденного после первой поездки в Сирию. Я переписывал вступление несколько раз, пытаюсь объяснить, какое впечатление произвела на меня эта небольшая страна, которую путешественник может пересечь с севера на юг за полдня. В итоге убедился, что взялся за непосильный труд – коротко о Сирии не скажешь. Хотя нет, есть один человек, директор Лувра Андре Парро, который произнёс сакраментальную фразу: «У каждого культурного человека есть две родины, своя и Сирия». Правда, чтобы сказать так ёмко и коротко, нужно, наверное, как господин Парро, провести на археологических раскопках на Ближнем Востоке тридцать пять лет. Или, как знаменитая писательница Агата Кристи, более двадцати лет провести в поездках по Сирии вместе с мужем-археологом.

Сирия – такая же жемчужина Востока, как Ирак, где в наш, теряющий высокую духовность, XXI век с молчаливого согласия мирового сообщества погибли артефакты шумерской, аккадской, вавилонской и ассирийской культур. По числу памятников истории и археологии на один квадратный километр не только Ирак, но никакая другая страна мира не может приблизиться к Сирии. Это настоящий музей под открытым небом. Мало того, Сирию можно в полной

мере назвать колыбелью человечества: здесь родились алфавит, нотная грамота, каменное колесо, плуг. Сирия – родина христианства, здесь появились первые монастыри и христианские общины. Само слово «христианин» родом из Сирии – так первыми начали называть себя последователи учения Христа в сирийском городе Антиохия.

Работая над книгой, я не пытался сделать всеобъемлющий охват культурных памятников Сирии. Это непосильный труд не то, что для одного человека, для целого коллектива. Арабский учёный 12-го века Ибн Асакир одному только Дамаску, старейшей из столиц мира, посвятил увесистый труд в 8 томах. Другой учёный – араб Абу Шама, живший на век позже, сподобился на 15-томное издание о столице. Соревноваться с ними бесполезно, да и не нужно – задачи у нас разные. Арабские учёные оставили после себя своего рода летопись для потомков. Я пытался запечатлеть только то, что поразило меня больше всего из увиденного в Сирии, и то необычное, что удалось узнать из многотысячелетней истории этой страны.

Впервые украинский читатель узнает о замках таинственной секты ассасинов, скрытых в Нусайритских горах на западе Сирии, о крепости античного периода Циррус /по-гречески Серрес/ на севере Сирии возле границы с Турцией. Обычный турист практически не может добраться до этих мест. А вот прекрасные памятники раннего христианства доступны для всех. Они находятся недалеко от Дамаска в селениях Маалюля, где люди до сих пор говорят на арамейском – языке Иисуса, и в Сейднайе. Теме христианских святынь посвящена третья часть моей книги, поэтому и называется она «По стопам апостола Павла».

Итак, приготовьтесь к путешествию в удивительный мир, который я открыл для себя и для вас с помощью ряда лиц, которым и выражаю свою признательность:

Временному Поверенному Сирии в Украине господину Абудийябу – за организацию моих поездок в эту страну,

сирийской общине и, особенно Джорджу Мураду, – за понимание и сотрудничество,

Чрезвычайному и Полномочному Послу Республики Сирия в Украине доктору Саиду Акилю и президенту компании «Автолюкс», господину Махфуду Сааде – за поддержку и помощь в издании книги.

Автор

Угаритская музыка слова

Путешествие на родину алфавита и нотной грамоты

Амораби, последний из царей Угарита, диктовал письмо царю финикийского города Тир. Писец острой иглой выводил текст на сырой глиняной табличке. Он был стар и опытен. Мог писать на хеттском, финикийском и египетском языках. Но текст этого письма, которое царь Амораби, как всегда диктовал на угаритском, писец старательно выводил тонкой месопотамской клинописью на аккадском – международном языке того времени.

Амораби молил своего соседа о помощи. «Люди моря» на длинных быстрых лодках высадились в порту и сожгли корабли Угарита. Сейчас они стояли лагерем под стенами города, и пели песни на незнакомом наречье. Писец не мог перевести своему господину, о чём они пели. Но знал, царь Тира не получит это письмо.

Великие цивилизации часто разрушаются варварами. Древний город Угарит, раскопанный в 16 километрах к северу от Латакии, в 14 веке до н. э., выдержал страшное землетрясение и буквально восстал из пепла, но после нашествия полудиких племён завоевателей так и не смог оправиться. В 1180 году до н. э. он был сожжён до основания, жителей его увели в рабство.

Первое приближение к Угариту

Мы приехали в Латакию – крупнейший сирийский порт на Средиземном море – поздней ночью. Мой гид Хаммуд, выделенный министерством туризма для сопровождения поездки, остановил свой выбор на отеле «Меридиан» в 10 километрах от города: «Отсюда рукой подать до Угарита».

Отель поражал роскошью, но в нём практически не было восточного колорита, свойственного многим гостиницам Алеппо и Дамаска. Типичный европейский, фешенебельный отель, где всё отлажено до автоматизма. Только красивая мелодия и песня на арабском языке в исполнении местной знаменитости, раздававшиеся из бара, соединяли меня с реальностью пребывания на Ближнем Востоке.

После сытного ужина мы вышли подышать свежим воздухом и неожиданно попали в восточную сказку. Свет тусклых фонарей выхватывал из темноты экзотические цветы и деревья, беседки, увитые арабской вязью, мощёные

плиткой дорожки и спокойное, совсем не по-ноябрьски ласковое, море. Мы обошли вокруг гостиницы и очутились на заброшенном пустыре.

«Недопустимое расточительство, – подумалось мне, – ведь здесь можно построить ещё один отель или разбить парк».

– Это не простой пустырь, – разъяснил Хаммуд, словно угадав ход моих мыслей, – его ждёт великое будущее. Недавно археологи наткнулись на фундаменты двух больших дворцов. Предполагают, здесь была летняя резиденция угаритских царей. Представляешь, как повезло владельцам отеля, отбоя не будет от туристов.

Хаммуд, по специальности инженер-электрик, в советское время учился в Ленинграде и прекрасно говорил по-русски. Сведения о древней истории Сирии приобретал самостоятельно, но это сыграло только положительную роль в его новой профессии гида. Он, в отличие от людей, получивших университетское образование, не щеголял датами, именами, научными терминами, зато прекрасно разбирался в структуре Угарита и его месте в системе международных отношений Древнего Востока.

В этот вечер мы не ложились спать допоздна. Обслуживающий персонал ещё долго наблюдал за нашей оживлённой беседой в холле гостиницы. Хаммуд готовил меня к встрече с Угаритом.

Как соха отрыла целый город

Несмотря на то, что сведения о существовании Угарита давно уже стали известны учёным из переписки главных действующих лиц Древнего Востока – царей хеттов, правителей Египта и Вавилона, найти его долго не удавалось. Помог, как это часто бывает, случай. В 1928 году крестьянин из небольшого посёлка Мина аль-Бейда, находящегося недалеко от морского побережья, вспахивая поле, обнаружил, что его соха скребёт по какой-то твёрдой поверхности. С помощью приятелей он выкопал несколько громадных камней. Оказалось, что они закрывают вход в погребальную камеру. Об этом случае сообщили французским властям в Бейрут. Те, в свою очередь, направили описание находки в отдел восточных древностей Лувра. Оттуда прислали археологов во главе с Клодом Шефером.

Учёные сделали глубокий срез и обнаружили 5 культурно-исторических слоёв. Перед их глазами открылась всеобъемлющая картина развития человечества в течение семи тысячелетий: от неолита до эпохи Поздней бронзы. Город находился на площади в 20 гектаров, но фактические границы государства и

сферы его влияния были гораздо шире. Узкие улочки, площади, дворцы, храмы, библиотеки, дома, представляли громадный научный интерес для исследователей. Несмотря на постоянно действующие в течение 70 лет экспедиции, одна четвертая часть города ещё не обследована и находится под землёй. Сколько новых сюрпризов ждут учёных!

Экскурсия по Угариту

Хаммуд разбудил меня рано утром.

– Хорошая погода, давай пройдемся пешком, до Угарита всего 5 км.

Когда мы подходили, гид заканчивал рассказ об угаритском алфавите, который состоял из 30 букв и являлся самым древним (время создания 15–14 век до н. э.) из всех известных на земле. Изобретение угаритцев было новым явлением в древнем мире, где существовали два чрезвычайно сложных вида письма – египетские иероглифы и клинопись государств Месопотамии. Считается, что угаритский алфавит стал общим для финикийцев и греков, последние только ввели в него гласные, характерные для греческого языка. Не случайно ставшее международным слово «алфавит», по-английски «алфabet», восходит к названиям двух первых финикийских букв: «алеф», что означает – бык и «бет» – дом.

От главного входа в крепостной стене мы по небольшой лестнице-коридору вышли на дворцовую площадь, довольно сильно заросшую травой. Вход во дворец украшал портик. От него остались каменные основания, на них когда-то покоились деревянные колонны. За входом – вымощенный плитами вестибюль, вдоль него тянулась длинная каменная скамья: на ней в ожидании царя сидели гости.

– А сейчас я покажу, где был найден алфавит.

Хаммуд повернул за угол, и мы оказались в небольших смежных комнатах, где находились административные и канцелярские помещения. В одном из них и была найдена ставшая знаменитой, небольшая глиняная табличка, которую я видел в Национальном музее в Дамаске – она показалась мне сделанной из чистого золота.

Угаритцы были очень образованными людьми. Во многих домах находились библиотеки, а в них таблички с надписями на 8 языках. Недалеко от дворца находился дом царского дипломата Рапану – громадное здание из 34-х комнат с подземным склепом. В нём была обширная «глиняная» библиотека. В ней

нашли набор табличек, который мы сегодня назвали бы энциклопедией: на них названия рыб, птиц, меры веса, имена божеств, магические ритуалы, лекарства той поры, толкования шумерских и вавилонских слов.

Мы поднялись на небольшой холм, так называемый угаритский Акрополь. Здесь между храмами Бела, бога бури и дождя, покровителя города, и Дагана, бога охоты и рыболовства, находился дом верховного жреца. В его библиотеке найдены таблички с бесценными текстами угаритских мифов, многие из которых имеют сходство с событиями, описанными в Ветхом Завете. Некоторые из них вошли в Библию. Например, легенда о чудовище Левиафане, битва которого с Белом олицетворяет борьбу добра со злом. Всего в Угарите найдено около 5 тысяч глиняных табличек, большинство хранилось в трёх архивах царского дворца. Среди них дипломатические послания, деловая переписка, религиозные обряды, трактаты по медицине, философии, астрономии, искусству. Было даже наставление по уходу за лошадьми и инструкция, как ухаживать за ними в случае болезни.

Музыка, ожившая через три тысячелетия

У жителей Угарита была тяга к прекрасному. Археологи нашли множество предметов быта, выполненных с филигранной техникой. Местные женщины весьма заботились о своей внешности. Нежность и свежесть кожи поддерживались с помощью всевозможных мазей, хранившихся в коробочках из слоновой кости. Они сами по себе являются произведениями искусства. Пудра обычно хранилась в алебастровых кувшинчиках, привозимых с Крита. Угаритские купцы-мореходы поддерживали торговые связи с жителями островов Эгейского моря, с Египтом и царством хеттов. Успехом, и не только у угаритских женщин, пользовались золотые шпильки, браслеты, серьги – все они изготавливались с большим вкусом и выдумкой. В разделе Угарита Национального музея в Дамаске я обратил внимание на маленькие стеклянные флакончики, а когда узнал, как они применялись, долго не мог сдержать улыбку. Оказывается, когда угаритские женщины терпеливо ждали своих мужей, страдали и плакали, они собирали в них слёзы, а потом предъявляли любимым как свидетельство неподдельной печали.

Особую любовь жители Угарита питали к музыке. При раскопках найдены статуэтки, изображающие барабанщиков и отдельные музыкальные инструменты. Но самым интересным открытием можно считать глиняную табличку 14 века до н. э., на которой записаны слова и мелодия песни с помощью нот, переданных клинописью. Это самая древняя из известных попыток письменно зафиксировать музыку. Она на тысячу лет опередила первую такую попытку, сделанную рукой знаменитого Пифагора.

Эта табличка была найдена в 1950 году. Первыми её изучением занялись немецкие учёные Дейтрих и Лоритц. В 1979 году научная группа, в которую входил и сирийский учёный Рауль Витали, исследовала текст с помощью математических методов. Рауль Витали даже смог вычленить музыкальные фразы, состоящие из группы тонов. Он смог воспроизвести эту музыку и записал её на кассеты и компакт-диски. Это может показаться фантастикой – музыка Угарита через три тысячелетия обрела новое звучание. Не её ли отголоски звучат в современных симфониях.

Дамаск и его окрестности

Дамаск самый древний город на земле, в котором никогда не прекращалась жизнь, и самая древняя столица из существующих ныне. В черте города найден культурный слой, насчитывающий 7 тысяч лет, а самое раннее упоминание о нём зафиксировано в документах 18-й династии фараонов, где город называется «Димаску». Дамаск упоминается уже в первой книге Ветхого завета, и всего встречается в Библии более 15 раз. Арабский учёный Ибн Асакир в 12 веке издал о Дамаске 8-томный труд. Его старания превзошёл живший веком позже Абу Шама, посвятивший истории города 15-томное издание.

Географическое положение Дамаска таково, что неудивителен столь ранний выбор его человеком, как среды обитания. С одной стороны город примыкает к горе Касьюн, непременно месту для посещения туристами – отсюда открывается потрясающая панорама ночного Дамаска. С трёх остальных сторон света его окружает оазис Гута. Это позволяет Дамаску считаться самым зелёным городом арабского Востока. Особенно красивы окрестности Дамаска весной – когда зацветают сады, кажется, что ты попал в рай.

По стопам апостола Павла в Дамаске

Из «Деяний апостолов» известно, что апостол Павел сначала был противником учения Христа. По поручению первосвященника Каиффы он отправился в Дамаск, где среди евреев было много последователей нового вероучения, чтобы наказать их. По следам апостола Павла решил пройти и я, на пути неожиданно встретились препятствия.

Как не потеряться в старом городе

Места, где пребывал апостол Павел, известны из Евангелия. Это **Баб Шарки** – ворота, через которые он вошёл в город; **Прямая улица**, где апостол жил в доме некоего Иуды; **пещера Анании**, в которой он скрывался, место в **крепостной стене**, где Павел в корзине был переправлен за город. Найти всё это без опытного гида невозможно, поэтому я записался на экскурсию и вместе с

остальными туристами был доставлен автобусом к Дамасской крепости, за которой начинался старый город.

Старый Дамаск блистал великолепием восточного города! Узкие кривые улочки, шумный восточный базар, оживлённые голоса праздной толпы, тонкие шпили минаретов, протяжные крики муэдзинов, зовущих правоверных мусульман к молитве.

Первым пунктом нашего посещения должна была стать **мечеть Омейядов**, в которой покоится одна из святынь христианского мира – голова Иоанна Крестителя. Слеплённый блеском старого города, я делал снимки на каждом ходу. Чтобы не потеряться в толпе, то и дело вскидывал голову в поисках попутчиков – ориентиром служила белая шляпа одной из наших туристок.

В одном месте меня окружила семья приветливых горожан: чернявый сириец с небольшой бородкой, оказавшийся геологом, специалистом по нефти, его мать – полная женщина в чёрном платке, и двоюродный брат, студент местного университета. Они радостно общались со мной. «О, Украина!» – хлопал меня по плечу Али – я с тоской наблюдал, как белая шляпа медленно проплыла по улице и повернула за угол. Оставалось броситься вдогонку, но поздно – от группы не осталось и следа, она словно испарилась.

Соблазны на пути

Итак, я остался один в незнакомом городе. Самое неприятное заключалось в том, что карточку с адресом отеля я оставил в номере. Но желание пройти по апостольским стопам было сильнее страха. В одной руке с «Деяниями», в другой – с картой Дамаска на арабском языке, я двинулся в путь.

Не все сирийцы владеют английским языком, но добрая половина – это точно. Правда, название ворот, через которые Павел входил в город, я произносил по-арабски. Возможно, поэтому направление было выбрано правильно.

Пройдя несколько поворотов, я решил уточнить маршрут у немолодого сирийца, сидящего за столиком с безделушками. В ответ он предложил приобрести у него сувениры. Памятуя о предостережении гида ничего не покупать в частных лавках, так как там продают товары втридорога, я гордо отказался. Тогда торговец, указав на мой фотоаппарат, предложил зайти к нему домой – он, дескать, покажет мне чудесный вид из окна.

По витой лестнице мы поднялись на третий этаж и зашли в лавку. Там познакомились. Сирийца звали Юсеф Аль Харера, но он просил называть его «папа Джозеф».

В окно открывался изумительный вид на мечеть Омейядов и какие-то раскопки. «Римские бани», – прокомментировал папа Джозеф. Я сделал несколько удачных кадров и осмотрел комнату. Чего там только не было! Папа Джозеф вопросительно уставился на меня. «Я тоже православный, – сказал он, заметив крест на моей груди. – И сделаю тебе большую скидку».

Сирийцы почему-то больше всего на свете любят предлагать туристам расписные шкатулки. Мой знакомый оказался не оригинален и пошёл по такому же пути. Я перебрал массу товара и любую цену, названную торговцем, уменьшал вдвое. Папа Джозеф обижался. Показывая ценник, приклеенный на донышке, он объяснял, что и так делает большую скидку. «Шкатулки мне не интересны», – парировал я. Тогда хитрый торговец пошёл ва-банк. Он дал мне небольшую симпатичную шкатулочку и предложил открыть её. Мои попытки были тщётны, она не открывалась.

Папа Джозеф интригуяюще бережно взял шкатулку, отодвинул кусочек дощечки, и нажал на деревянный выступ. Щёлкнул замок, и она открылась. Восточная хитрость сработала. Первая покупка состоялась, за ней остальные: маленький кинжал, серебряная цепочка, открытка. Мы расстались друзьями. На прощание папа Джозеф подарил несколько ненужных мне безделиц: оловянного верблюда, арабский кошелек и визитную карточку.

Читая «Деяния Апостолов»

Прямая улица, как стрела пронизывала старый город с Севера на Юг. Как ни старались торговцы сладостями и владельцы антикварных лавок, я проскальзывал мимо них, как шустрая мышь мимо мышеловки. Дорогу, конечно, спрашивал, но у простых прохожих, не обременённых заботами продать мне что-нибудь.

Развив крейсерскую скорость, через минут сорок я оказался у старинных ворот. Но какая-то неведомая сила понесла дальше. Я семимильными шагами отмеривал дорогу, которая вела на юг, в сторону Иерусалима. Почти тысячу лет назад апостол Павел двигался по этому пути, только навстречу мне.

Восстанавливая в памяти евангельские события, откроем 9-ю главу Деяний и перенесёмся в древнюю столицу Иудеи.

«Савл (второе имя апостола), ещё дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришёл к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы кого найдёт последующих сему учению, и мужчин, и женщин, связав приводить в Иерусалим».

«Когда же он шёл и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба». Послышался голос Господа, который приказал будущему апостолу встать и идти в город. «Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел; и повели его за руки и привели в Дамаск».

По стечению обстоятельств, и я вернулся в старый город не без посторонней помощи. В какой-то момент я столкнулся с прохожим – что-то ведь должно было меня остановить. Извинившись, объяснил, что ищу места, связанные с апостолом Павлом. Мужчина улыбнулся и сказал, что я уже на километр удалился от поставленной цели.

Он согласился показать дорогу. Джордж Самуел («Странное имя для сирийца», – подумал я) оказался владельцем большой клиники и жил в частном доме неподалёку. Вместе мы вернулись к воротам. Его двухэтажный дом, кстати, весьма древнего вида, был встроен в крепостную стену. «Сколько же лет этому строению! – подумалось мне. – Не свидетельствует ли оно о евангельских событиях?»

Из состояния задумчивости вывели слова Джорджа:

– Первый переулочек направо приведёт вас к дому Анании, где скрывался Павел. Если, не заходя в ворота, пойдёте влево, через сто метров попадёте в место, где он, спасаясь от преследования, перебирался через городскую стену.

Анания – местный житель, верующий в учение Христа. Ему было видение, в котором Господь просил его пойти на Прямую улицу в дом Иуды, где находился ослеплённый Павел и уже 3 дня ничего не ел и не пил. Анания пришёл в тот дом, возложил руки на Павла и тот прозрел. Анания считается первым епископом Дамаска. В подземном гроте он проводил тайные службы. За проповеди христианства Анания был арестован правителем Дамаска Лицинием и предан смерти побитием камнями.

В «Деяниях апостолов» не сказано, что Анания спрятал Павла в пещере. Местные христиане почти тысячу лет берегут это место. Несколько дней Павел жил здесь. После встречи с Ананией как будто пелена спала с его глаз.

«...И тот час стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий. И все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие...».

Иудеи, недовольные переменами, произошедшими с Павлом, решили убить его. Считается, что бегство произошло **возлеворот Баб Кисан**, в римское время

называвшихся воротами Сатурна. Сейчас они заделаны каменной кладкой. В 1939 году над ними возведена церковь. Служитель, высокий худой старик, показал мне окно в бойнице, через которое апостола опускали вниз на верёвке.

На многих старинных гравюрах и мозаиках изображён стражник, некто Георгий, стоявший в то время на часах. Он сжимает в руке копьё и как бы ненароком отворачивается в сторону.

За сочувствие к Павлу Георгий поплатился жизнью; его могила – место паломничества верующих, и многие сирийские христиане, носящие имя Жорж, утверждают, что названы в честь этого мученика. На христианском кладбище через дорогу от церкви я нашёл его могилу. Сколько просидел возле неё, не помню. Удивительно, простому стражнику мы обязаны становлению христианства в Европе и на Востоке. Дамаск – начало трудного пути апостола Павла, который исколесил Рим, Грецию, Малую Азию, но большую часть из 20 лет своих странствий проповедовал в Сирии.

Мои скитания закончились ближе к вечеру. Я нашёл отель, объездив на такси весь город. Как это получилось, ведь я не знал ни адреса, ни названия? Но это произошло. Думаю, не без помощи свыше.

Сейднайя – христианская жемчужина Сирии

Наставление для паломников

Эту экскурсию для меня провёл мой друг Джордж Мурад, уроженец Сейднайи, добропорядочный христианин и просто хороший человек.

Похоже на фантастику, но это так – в Сирии, арабской стране с мусульманским населением, имеется более ста христианских монастырей и церквей. Более трети – в Сейднайе, которая является самым привлекательным местом для паломничества в Сирии, и вторым по популярности после Иерусалима на Ближнем Востоке.

Если ознакомиться с историей христианства, то ничего удивительного в вышесказанном нет. Первые в мире христианские храмы построены в Сирии. Да и само название «христиане» родилось в главном городе страны Антиохии, где по преданию первая община была образована в 37 году святыми апостолами Павлом и Петром.

Хребет Каламун, на отрогах которого расположена Сейднайя, состоит из известняковых пород, легко поддающихся выветриванию. Начиная с 1 века, в естественных пещерах в горах стали селиться христиане, преследуемые

римскими властями. Там же вырубались склепы и церкви. После того как при Константине Великом христианство было официально разрешено, здесь в середине 4-го века образовались первые монастыри. С тех пор ни политические катаклизмы, ни приход завоевателей – персов-зараострийцев и арабов-мусульман – не смогли поколебать религиозный выбор местных жителей. Вот уже около 2-х тысячелетий они остаются христианами. Всего в Сирии насчитывается более 2-х миллионов последователей вероучения Христа. Две трети храмов и монастырей из тридцати, находящихся в 10-тысячной Сейднайе, относятся к православной церкви Антиохийского патриархата, одна треть принадлежит греко-католической церкви. Между религиозными конфессиями Сирии, которых в стране около 2-х десятков, царит мир и благоденствие.

Язычество, легенды и христианство – рядом

Любой туристический автобус сначала привезёт вас к женскому монастырю Рождества Пресвятой Богородицы или Сейднайской Божьей Матери – это самая известная обитель Сирии и речь о ней пойдёт в следующей статье.

Но не каждый экскурсовод покажет вам пещеру идолов и высеченную рядом в скале церковь Св. Фёклы. Пещера состоит из трёх ниш, внутри которых находится 26 захоронений римского времени. Надписи над входом и внутри сделаны на греческом языке, который получил распространение на Ближнем Востоке после завоеваний Александра Македонского, и который римская латынь не смогла вытеснить. Чуть ниже – чёрная дверь – вход в церковь Св. Фёклы. Это место называется Умм аль-Бзизият – «пещера женских грудей». Здесь с потолка каплями сочится вода – это явилось поводом для создания легенды, согласно которой в пещере укрывались святые, и скала кормила их своей каменной грудью.

Экскурсию по святым местам Сейднайи можно начать после осмотра монастыря Рождества Пресвятой Богородицы. Для этого нужно по длинной лестнице спуститься в город с холма, на котором расположен монастырь, и вы окажетесь перед входом в церковь Святой Софии, на местном языке Айя Софья. Многие в городе считают её миниатюрной копией константинопольского храма Святой Софии. Эта одна из самых красивых сейднайских церквей построена в 19-м веке. Из неё отдельный вход ведёт в церковь Св. Ильи (Мар Ильяс), которая устроена в древнем бастионе. В небольшой комнате позади молельного зала хранится собрание древних икон и рукописей.

На первом перекрёстке после спуска от монастыря – церковь св. Петра (Мар Бутрос), устроенная в римском мавзолее. Вход в неё заложен огромным камнем, в котором пробита маленькая дверь.

На противоположном конце города, тоже на холме, как бы уравнивая обитель Божьей Матери, находится один из древнейших монастырей города, основанный в 4-м веке в честь Святого Георгия. Он долго находился в запустении и совсем недавно отстроен заново. В главном храме монастыря можно увидеть несколько замечательных икон Георгия Победоносца, но главной святыней является пещера, в которой погребено несколько мучеников-христиан. 6 мая в день Св. Георгия в монастырь стекаются тысячи верующих.

Монастыри святых Ильи, Фомы и Христофора

Женский монастырь Св. Ильи находится в 6-и км от Сейднайи в посёлке Маарат Сейднайя. Собственно интерес представляет не столько монастырь, сколько место – «макам», связанное с именем пророка. Оно расположено на холме в 2-х километрах от монастыря. По преданию здесь святой Илья боролся с языческим культом семитского бога Ваала, насаждаемого царицей Иезавель. Он победил царицу в споре, доказав, что истинным Богом является Савоаф.

Жрецы храма Ваала не смогли разжечь жертвенный костёр своему Богу. А Илья велел трижды облить жертвенник Савоафу, и даже после этого воспламенил дрова, вызвав огонь с небес. Разгневанная царица пыталась расправиться с пророком, но Илья бежал. Солдаты царицы долго шли по следам пророка, пока не окружили его в маленькой пещере, где Илья скрывался от погони.

Именно это место, макам Мар Ильи, вызывает большой интерес у паломников. К нему ведёт лестница, опускающаяся вниз к небольшому плато, словно орлиное гнездо, примостившееся над обрывом. В 19 веке здесь построили церковь, под ней расположена пещера. Когда погоня настигла Илью, Бог послал на помощь бурю, и молнией пробил в скале сквозной проход, через который пророк сбежал от преследователей. Если вы спуститесь в пещеру, увидите, что «тоннель Ильи» в целях безопасности закрыт решёткой. На его стенках отпечатались следы копыт коня, на котором пророк выбрался наружу.

Монастырь Св. Христофора находится недалеко от въезда в Сейднайю, в 2-х километрах к югу от города. Это один из древнейших монастырей Сирии, прошлое которого ещё недостаточно хорошо изучено. От него остались только невысокие стены и небольшая арка. Сейчас здесь ведётся реконструкция. Служба ведётся в миниатюрной церквушке, а монахи живут в суперсовременном отеле, с хорошим дизайном и комфортными условиями. Здесь могут останавливаться паломники. Цена одного места в двухместном номере – 20 долларов.

Монастырь Св. Фомы (Мар Тума) основан не так давно. Он также находится за городом, на высоком холме в 2-х километрах к северу от Сейднайи. Главная церковь монастыря переделана из античного храма. В окрестностях монастыря находятся древние пещеры, в которых жили первые христиане.

Дом ангелов

Самым известным после монастыря Рождества Божьей матери монастырём Сейднайи является Шерубим. Монастырь ангелов (мар Шерубим) – самый древний в регионе. Считается, что он основан в 4-м веке. Своё название получил, потому что находится на высоте 2011 метров. Так высоко забирается редко какой монастырь на земле. Когда находишься на самой вершине горы, около креста, который ночью горит неоновым светом, кажется, что ты совсем близко подобрался к небу и ангелам.

Сотни верующих приезжают в Шерубим два раза в год: на праздник Св. Архангелов Михаила и Гавриила – 8 ноября и на годовщину открытия монастыря – 11 сентября.

Госпожа Сейднайской горы

Редкий гость Сирийской Арабской Республики проезжает мимо монастыря Рождества Пресвятой Богородицы, расположенного в городке Сейднайя в 22 километрах к северу от Дамаска. Монастырь знаменит на весь православный мир чудотворной иконой Сейднайской Божьей Матери, совершившей множество исцелений. Крестоносцы, не отличавшиеся особым романтизмом, собирали «слёзы» Нотер Дам де Сарденай, как они называли эту святыню и отправляли во все церкви Европы.

Чудеса по дороге

Если у вас есть свободное время, и вы не являетесь сторонником новомодной тенденции туристических фирм, показывать всё «галопом по Европам», совершите по пути в Сейднайю неспешный обзор придорожных достопримечательностей. Это доставит вам истинное удовольствие и подготовит к восприятию сейднайских чудес.

Миновав последний перекрёсток Дамаска на дороге ведущей к Хомсу, сверните через один километр направо, и, доехав до безымянной речушки, поверните налево. Через сто метров остановитесь у склона горы, хаотически застроенного ничем не примечательными зданиями. Здесь вы увидите первое чудо – «Макам Ибрахим», место рождения пророка Авраама.

Вообще из Библии известно, что пророк родился в Уре Халдейском, на юге Месопотамии. Но местные жители считают родиной Авраама (по-арабски Ибрагима) именно это место, окружённое забором. Позвоните в звонок, вам откроют неприметную дверь, за ней покажется обмазанное глиной строение. Спросите макама Ибрагима, хранителя реликвии. Войдя в дом, вы окажетесь в огромном зале, поднявшись по лестнице в углу помещения, вы окажетесь на террасе, с которой откроется вид на пещеру. Здесь Авраам родился и провёл первые 7 лет жизни. Если не верите, вам покажут камни с отпечатками маленьких ножек.

Второе чудо – живописное ущелье, в которое вы попадаете, если повернёте от города Мнина (12-й км дороги Дамаск-Хомс) налево. Оно называется Вади Джбейль. Здесь можно увидеть погребальные ниши в скалах, древнее селение Хальбун и источник, вытекающий из пещеры, с небольшим водопадом. При выезде из ущелья поверните налево и через пару километров окажетесь в Сейднайе.

Видение Юстиниана

Сейднайя, или античная Данаба, расположена на высоте 1450 метров над уровнем моря. На небольшой площади при въезде в город находится каменная стела с изображением святого Георгия, под которой, как утверждают местные жители, сохранилась древняя арамейская колонна, закрывающая источник, грозивший Сейднайе наводнением. Отсюда открывается прекрасный вид на монастырь Сейднайской Божьей Матери. Название Сейднайя в переводе с арамейского языка понимается двояко: «место охоты» или «госпожа наша». Почему это так, вы поймете, прочитав нижеизложенные легенды.

В 547 году во время войны с персами византийский император Юстиниан с войском остановился недалеко от Дамаска. Его солдат изнуряла жажда, и император решил поискать источник. Вдали он увидел газель и принялся её преследовать. Газель остановилась на вершине скалы. Император прицелился и уже готовился выпустить стрелу. Внезапно появился столб света, и газель, превратившись в женщину в белых одеждах, молвила: «Ты меня не убьёшь, Юстиниан, а построишь мне на этом месте церковь и монастырь». Внезапно свет погас, и фигура исчезла. Император понял, это была Пресвятая Богородица. Говорят, Богоматерь ещё раз явилась Юстиниану, когда подсказала ему план, по которому тот построил обитель.

Обман паломника

Главная икона Сейднайской обители Рождества Пресвятой Богородицы хранится в серебряном ларце в маленькой часовне. Она спрятана в нише у иконостаса за занавеской.

По преданию первой настоятельницей монастыря была сестра Юстиниана. Она попросила одного из паломников, идущих к гробу Господню в Иерусалим, разыскать для неё икону с изображением Богородицы с младенцем. Сам не зная того, он приобрёл древнюю икону, написанную Лукой Евангелистом. На обратном пути паломник преодолел много трудностей. Он понял, что именно икона спасла его от разбойников, болезней, и бушующей бури, поэтому решил оставить реликвию себе. Возвратив настоятельнице деньги, паломник сказал, что не смог выполнить поручение, и на утро собрался в путь. Но какая-то неведомая сила не пускала его за порог. Испугавшись, он признался в обмане и оставил икону монастырю.

Стены часовни с образом Богоматери, увешаны изображениями частей тела, исцелённых ею, золотыми и серебряными лампадами, иконами подаренными благодарными верующими. Говорят, во время войн арабов с крестоносцами с дарами к Богородице приезжала Рабиа – сестра Салах ад-Дина, грозы «спасителей гроба Господня». Поэтому икона Сейднайской Божьей Матери почитается не только христианами, но и мусульманами. Здесь я встретил группу женщин, приехавших из охваченного гражданской войной Ирака просить у Богородицы исцеления от бесплодия.

Чудеса иконы Сейднайской Божьей Матери

В монастыре проживает тридцать монахинь и паломниц. Игуменья назначается патриархом Антиохийской церкви. При обители открыт приют для девушек сирот. По достижению зрелого возраста воспитанницы сами решают, оставаться им в монастыре, или начинать самостоятельную жизнь вне его стен.

Монастырская библиотека содержит около пятисот редких богословских книг на арабском языке. Есть там и перечень чудес, произведённых чудодейственной иконой. Одно из них произошло не так давно, 20 лет назад.

В Дамаске в одной курдской семье тяжело заболел маленький мальчик. Его матери было видение, что он выздоровеет. Но для этого нужно отвезти в Сейднайский монастырь банку оливкового масла. Когда женщина проснулась, она увидела, что сын здоров. Она взяла банку масла и поехала подарить его иконе Сейднайской Богоматери. Поднимаясь по высокой лестнице ко входу в обитель, женщина расплескала масло и решила вытереть его капли со ступеней. Она стала вытирать их рукой, и вдруг на этом месте появилось яркое свечение и

на камне выжегся силуэт Святой Девы с нимбом. Теперь изображение обнесено оградой и, поднимаясь по лестнице, верующие прикладывают руку к нимбу Богородицы, желая получить её благословение.

Кроме иконы Божьей Матери, в монастыре много других святынь. Они находятся в многочисленных церквях, расположенных здесь. По количеству паломников монастырь находится в числе первых на Ближнем Востоке, уступая только иерусалимским обителям. Особенно много верующих стекается сюда 8 сентября, в день рождения Святой Девы Марии.

Молитва на языке Иисуса Христа

Жители селения Маалюля чтят традиции первых христиан

Монах взял меня за руку и прочитал молитву во славу Господа. Язык, на котором он сделал это, мягкий и мелодичный как шорох песка в Сирийской пустыне, является одним из древнейших на земле. Имя ему – арамейский. Достоверно известно, Иисус Христос, как и большинство жителей древней Палестины, говорил на этом языке. В мире осталось всего пять тысяч человек, которые знают его. Живут они в селении Маалюля и двух окрестных деревушках в 60 километрах к северу от Дамаска. Когда Мэл Гибсон снимал «Страсти Христовы», чтобы добиться подлинности, он сделал так, чтобы герои его фильма говорили голосами жителей этих селений.

Кто такие арамеи

Наш автобус рано утром выехал из Дамаска и, обдавая пылью редких прохожих, помчался по дороге вдоль хребта Каламун, вытянувшегося вдоль ливанской границы, словно коралловая губчатая мочалка. Меня ждала встреча с людьми, которые несколько тысячелетий берегут исчезающее сирийское наречие арамейского языка, на котором Иисус Христос общался со своими учениками.

В верхней части хребта в результате эрозии образовались многочисленные складки, трещины, пещеры. При хорошем воображении можно увидеть целые скульптурные композиции, у которых три автора – вода, ветер и время. Словно в панорамном кино мимо проплывали шеренги римских воинов, фигуры языческих богов, головы диковинных животных, пастухи, феллахи и лихие наездники на быстрых скакунах...

Более трёх тысяч лет назад племена скотоводов-кочевников арамеев, выходцев с Аравийского полуострова, стали заселять богатые растительностью земли Сирии. К 10 веку до нашей эры отдельные союзы племён основали небольшие царства. Однако, ассирийский царь Ашшурнасерпал II в 9 веке до н. э.

остановил арамейский натиск. Его наследники окончательно разгромили арамейские царства. Огромное число пленённых арамейцев, обращённых в рабство (на каждую семью победителей приходилось по 10–15 рабов) привело к тому, что вся империя к 8 веку до н. э. стала говорить и писать по-арамейски. В сменившейся Ассирию персидской державе династии Ахеменидов, простиравшейся от Египта до Афганистана, арамейский язык, как самый распространённый, стал главным языком общения.

Монастырь Святых Сергия и Вакха

Дорога поднималась всё выше и выше, пока не привела на небольшое плато. На его высшей точке, на высоте 1790 метров находится древний монастырь, основанный в 4 веке в честь братьев христиан Сергия и Вакха. В 305 году братья, которые были офицерами римской армии, и тайно приняли христианство, были преданы суровой казни и стали впоследствии святыми.

Монастырь возведён на месте языческого храма, фундамент и стены которого хорошо сохранились. В этой части монастыря расположена церковь. Остальные сооружения многократно перестраивались и приняли окончательный вид к середине 19 века.

Наш автобус остановился на небольшой площади перед монастырём. Я нацелил свой фотоаппарат на древнее сооружение, и к ужасу обнаружил, что батарейки сели. Рядом находились небольшой магазинчик и кафе, в котором я с разрешения доброжелательного хозяина оставил аккумулятор на подзарядку. Мои спутники отправились в верхние постройки угощаться монастырским вином, а я спустился в древнюю церковь, история которой, включая языческий период, насчитывает 2 тысячи лет.

Здесь я познакомился с отцом Тауфиком Эйдом – монахом, который читал молитву на арамейском языке. Отец Тауфик провёл для меня и двух путешествующих французов экскурсию по церкви.

Самые нарядные иконы написаны в 1813 году по заказу монастыря знаменитым художником Михаилом с Крита. Две иконы 17 века – дар польского генерала Владислава Андерса, командующего польской армией сформированной в 1941-42 годах. Большая часть этой армии через Среднюю Азию была вывезена в Иран и Ирак, где использовалась для охраны нефтепроводов. Сам генерал жил в Маалюле в 1943 году и был частым гостем обители.

Наиболее ценной частью монастыря являются два древних алтаря чашевидной формы из мрамора. Они сохранились в церкви с языческих времён.

Пользоваться ими запретили ещё с середины 4 века из-за недопустимого сходства с атрибутами языческого храма.

Жизнь праведной Фёклы, первой христианской святой

Дальнейший путь лежал в один из самых знаменитых монастырей Сирии – женский монастырь святой Фёклы. Он расположился в ущелье слева от монастыря святого Сергия. Там же приютилось селение Маалюля. Название переводится с арамейского как вход. Наверное, потому, что вход в ущелье осуществляется через длинный узкий проход, прорезавший горную гряду Каламун.

Компанию мне составила живописная группа суданских офицеров МВД. Сопровождал её сириец прекрасно говоривший по-русски. Они прибыли в Сирию на стажировку, в этот день у них была культурная программа. Худые высокие чернокожие суданцы, обёрнутые в белые покрывала, мусульмане по вероисповеданию, с интересом изучали православные святыни.

История монастыря овеяна местными легендами, которые переплетаются со строками из писаний и Евангелия.

Когда святой Павел был изгнан из Антиохии Писидийской, он перешёл проповедовать учение Христа в Иконий (сейчас город Конья в Турции). Остановился у некоего Онесифора. По соседству жила богатая вдова. Её дочь Такла (в русской транскрипции Фёкла), сидя у открытого окна, слушала речи гостя. Слова апостола так подействовали на девушку, что она не пила и не ела 3 дня. Разгневанный жених Таклы настоял, чтобы городские власти посадили Павла в темницу. Но она пробралась к нему, подарив стражнику своё серебряное зеркальце, и всю ночь слушала рассказы о Христе. Власти постановили изгнать Павла из города, а Таклу – сжечь. Однако сильный дождь с градом затушил огонь и разогнал стражей. Следом за апостолом Такла отправляется в Антиохию. Там в неё влюбляется правитель города. Не добившись взаимности, он приказывает бросить девушку на растерзание диким зверям. Те к изумлению людей стали лизать ей руки и легли к её ногам. Позже Такла поселилась в пещере в Северной Сирии, где предавалась молитвам и исцеляла безнадежно больных.

В монастыре есть пещера, в которую по местному преданию переселилась Такла. В ней сделана небольшая часовня, которую посещают паломники, жаждущие исцеления. Рядом находится древний источник, из которого Такла пила воду. В пещеру я не попал, так как монашки требовали снимать обувь, а мне не хотелось разуваться. Но вкусную холодную воду из источника испил.

Они начались ещё в монастыре Святых Сергия и Вакха. Двигаясь от монастыря братьев христиан по узкому проходу в горах, я встретил старого бедуина в полном снаряжении с огромным кинжалом, едущего на осле. Через несколько шагов навстречу попалась старуха (по-видимому, его жена), передвигающаяся на том же вьючном животном. Разойтись в узком ущелье, тем более при наличии четвероногих транспортных средств, было тяжело. Но я не жалел о временных неудобствах и в изумлении провожал глазами древнюю арамейскую пару.

Ещё больше меня удивила встреча на площади возле монастыря святой Фёклы. Один из местных жителей на английском языке поинтересовался, из какой я страны. Узнав, что с Украины, он расплылся в улыбке и заговорил по-русски. Оказалось, что Илья Кооба – врач. Он окончил Киевский медицинский институт, и пятнадцать лет прожил в Симферополе. Потом с семьёй (женой украинкой и сыном) переехали к нему на родину. Здесь Илья открыл частную больницу.

– Продолжаю традиции святой Фёклы, исцеляю людей от болезней, – улыбается Илья. – Хотите, расскажу о некоторых обычаях местных жителей, касающихся создания семейного очага. В Сирии есть традиция, по которой мужчине нельзя жениться, пока он не построит собственный дом. Конечно, первым жителям Маалюли было проще, они создавали жилища в многочисленных пещерах или высекали их в скалах. Сейчас другое время – многие уезжают на заработки, чтобы скопить немного денег. Но однажды жители Маалюли собрались на сход, и сообща построили общественный дом для будущих молодожёнов. В нём невесты готовятся, переодеваются, прежде чем совершают обряд бракосочетания.

Илья показал мне этот дом и школу с обучением на арамейском языке, в городке также открыт научный центр по его изучению. В Сирии делается всё, чтобы сохранить древний язык, на котором говорил Иисус Христос. Поддержание православных традиций, терпимость в выборе вероисповедания – основополагающий камень грамотной внутренней политики государства. Поэтому в Сирии нет борьбы разных конфессий.

Мечеть Омейядов – визитная карточка Дамаска

На экскурсии в самой знаменитой мечети арабского Востока

Этот шедевр арабского зодчества привлекает внимание мусульман не только арабского Востока, но и всего мира. Мечеть Омейядов – визитная карточка Дамаска, её первой показывают туристам.

Гостю Сирии, прибывшему в столицу, раньше трудно было найти эту достопримечательность, разве что по призывным голосам муэдзинов, зовущих мусульман к молитве, – мешала плотная застройка Дамаска. Дома вплотную подступали к мечети, принижая её величие. Расчистить пространство пытались ещё османские власти. Однако когда турки ушли, хозяева домов вернулись и отстроились заново. В 80-е годы 20 века операция по расчистке возобновилась, и мечеть засияла новыми красками, издалека открываясь желающим её увидеть.

Незадачливый турист

Но не все окружающие прозрели настолько, насколько хотело правительство Сирии, даже устроившее для создания архитектурной перспективы обширную площадь возле западной стены мечети. К таким незрячим относится и ваш покорный слуга, часто попадающий в комичные ситуации из-за желания охватить необъятное в каждом новом увиденном городе.

Проходя по оживлённому базару Хамидия, известному на весь Восток, ослеплённый блеском изделий местных мастеров, я отстал от группы и попытался найти мечеть самостоятельно. Но у кого бы ни спрашивал на английском «как пройти к Омейяд Моску?», как было написано в справочнике, ни один сириец, к вящему моему изумлению, не указал путь к ней. Самое смешное было то, что я всё время кружил возле и около получаса провёл на площади с западной стороны мечети, снимая портик разрушенного храма Юпитера, голубей, солдат и арабских шейхов. Отчаявшись, я стал делать круги пошире. И вот, наконец, мне повезло. Один respectable вида сириец иронично усмехнулся и посоветовал: «А вы идите на крик муэдзинов». Так я и сделал и через две минуты вернулся на площадь. Пение служителей культа раздавалось из-за высокого каменного забора.

До приезда в Сирию я путешествовал по Турции, и привык к тому, что её мечети находятся на открытом пространстве и, если окружены забором, то очень невысоким. Поэтому и впал в заблуждение, о котором, впрочем, не жалею. Согласитесь, приятно блуждать по незнакомому городу. А якобы «незнание» сирийцами местоположения своего религиозного центра объяснилось ещё проще, когда я узнал, что мечеть Омейядов по-арабски называется Джамии Аль-Омауи.

«Золотой век» династии Омейядов

Теперь наступило время рассказать, кто и когда построил самую знаменитую мечеть арабского Востока. Для этого окунёмся в историю ислама.

После смерти пророка Мухаммеда, объединившего все племена Аравийского полуострова, арабами правили халифы, как бы «заместители» пророка – одновременно и светские, и духовные руководители государства. Первые четыре, особо почитаемые, Абу Бекр, Омар, Осман и Али, назывались «праведными» халифами. При них арабский халифат подчинил себе огромные территории. В 633 г. одной из первых, через год после смерти пророка, нападению подверглась Сирия. В 636 году полководцы Халед ибн аль-Валид и Абу Убейд, разгромив войска византийского императора Ираклия, вошли в Дамаск. Губернатором города был назначен Муавия ибн Сафьян, выходец из знатного мекканского рода бени Омейя. Когда предпоследний «праведный» халиф Осман, также представитель этого рода, был убит 656 году в Медине в ходе народного восстания, на его место был выбран Али, двоюродный брат и зять Пророка. Муавия не признал власть очередного халифа и через два года в результате военных действий сверг Али и провозгласил себя халифом. Наступил «золотой век» – приемники Муавии, халифы династии Омейядов, сделали Дамаск столицей огромной империи, простиравшейся от Инда до Пиренеев. Большую мечеть Омейядов – замечательный памятник этой эпохи – в 705–715 годах построил халиф Валид 1. В 750 году с приходом к власти потомков дяди Пророка, династии Аббасидов, «золотой век» закончился. Аббасиды разрушали дворцы и могилы ненавистных им омейядов, но не посмели тронуть великую мечеть, которую жители Дамаска считали третьей по значению после Каабы в Мекке и «мечети Скалы» (Куббат ас-Сахра) в Иерусалиме.

На экскурсии

Я вошёл в мечеть через западные ворота Баб аль-Барид, названные по имени прилегающего квартала. Две маленькие дверцы по бокам устроены в 1416 году, левая специально предназначена для туристов.

Всем входящим женщинам, независимо от вероисповедания, служители выдавали тёмные накидки – «абай» и платки – иметь обнажённые плечи, руки, непокрытые головы считается неприличным (Коран 24:31; 33:59). И мужчины, и женщины при входе в мечеть должны снимать обувь. Стоял конец ноября, поэтому я предусмотрительно взял с собой тёплые вязаные носки, которые, к зависти окружающих, и надел, как только ступил на холодный мраморный пол. Обувь можно было оставить в специальном помещении, но я, привыкший к особенностям жизни на просторах СНГ, хотя и был наслышан о том, что воровство в Сирии практически искоренено, на всякий случай взял её с собой.

Всякого входящего в мечеть поражает величие архитектурного замысла, изысканные формы и роскошный интерьер. Как сказал бы умудрённый знаниями гид, особую привлекательность увиденному придавало взаимопроникновение западных позднеантичных, восточных (в основном, сасанидского Ирана, покорённого арабскими завоевателями), местных сирийских и аравийских традиций. Но гидом я был себе сам, поэтому только дома, вооружившись энциклопедиями и книгами по искусству, смог осознать всё, что увидел.

Любопытно, что место, на котором Валид 1-й воздвиг мечеть, считалось святым на протяжении почти полутора тысяч лет. Мечеть Омейядов была перестроена из большой византийской базилики Иоанна Крестителя, в свою очередь воздвигнутой на месте римского храма Юпитера Дамасского, основанием которому послужило святилище арамейского бога Хадада.

11 раз мечеть страдала от сильных пожаров, последний был в 1893 году. Предпринятая турецким правительством реставрация была выполнена по старинному плану, но не на самом высоком уровне. Поэтому в 1992 году начались всеобъемлющие работы по восстановлению былой пышности и красоты.

Сохранилось мозаичное оформление вестибюля при входе в мечеть, выполненное при халифе Валиде. Однако самая выразительная мозаика находится во дворе слева в крытой галерее. Она пережила столетия под слоем толстой штукатурки, которой один консервативно настроенный халиф приказал её замазать. Формально ислам разрешает только декоративное искусство, а на ней живописуют окрестности Дамаска с садами и дворцами на берегу реки Барада. Расчистил уникальное панно размером 7 на 34,5 метра в начале 20 века французский учёный Эсташ де Лорей. Кроме этого чуда, где использовалось около 30 цветовых оттенков смальты, множество мозаик вплетено в убранство арок и стен дворовых портиков.

Возле восточной стороны галереи, окружающей двор, на восьми колоннах стоит изящное сооружение – Куббат аль-Хазна – сокровищница, в которую нет входа непосредственно с земли. Такие сокровищницы были построены в мечетях крупнейших городов Басры (Ирак) Иерусалима (Палестина) и Хамы (Сирия) после того, как в первой из упомянутых была совершена кража хранившихся там «под защитой Аллаха» казённых денег. На колоннах мозаика – позднее подражание прежнему убранству, погибшему во время пожаров.

Мозаика выполнена и на фасаде молельного зала мечети, в который ведёт 22 двери и главные ворота. Внутренняя его планировка повторяет особенности

византийской базилики: 2 ряда колонн делят зал на 3 части, каждая под остроконечной крышей. В середине – поперечный неф, над которым на высоту 36 метров вознесён купол.

В восточной части зала находится часовня Иоанна Крестителя (он же пророк Яхья в мусульманской традиции). Здесь покоится голова святого, найденная, как говорят, при следующих обстоятельствах.

Халиф Валид хотел убрать часовню и самолично стал копать возле места, где находилась голова, но, коснувшись черепа, оцепенел и на время лишился возможности двигаться. После чего решил оставить христианскую святыню в покое. Это место одинаково почитается как христианами, так и мусульманами.

Хомс и его окрестности

Хомс – третий по величине после Дамаска и Алеппо город Сирии – имеет многотысячелетнюю историю, однако, традиционно находится в их тени. Возможно, по причине нескольких разрушительных землетрясений, почти начисто лишивших его памятников античного и византийского прошлого. К счастью, история запечатлевает не только материальные, но и духовные ценности, и не всегда они концентрируются в столицах.

Чем больше изучаешь Сирию – самую необыкновенную из всех маленьких стран, тем больше удивляешься её роли в истории развития человечества. Наряду с известными литераторами, историками, философами, она дала миру целый ряд государственных деятелей, среди которых несколько императоров Древнего Рима: Каракалла, Гелиогабал, Александр Север и Филипп Аравитянин. Первые три лица представляют династию Северов, родившуюся как плод любви офицера римской армии и сирийки Юлии Домны, жительницы Хомса, в античное время называемого Эмесой.

Колыбель императоров Древнего Рима

Династия Северов родилась в Эмесе

Сирия, благодаря своим богатствам, была выгодным местом службы для римских военных. Здесь постоянно базировалось четыре из двадцати пяти легионов Древнего Рима. Ко времени приезда в Эмесу молодого офицера, выходца из провинции Африка Септимия Севера, легата Скифского легиона, страна уже около пятисот лет находилась в орбите греко-римской цивилизации. Причём, первую половину – в составе эллинистического государства Селевкидов, основанного военачальником Александра Македонского Селевком 1, вторую – как провинция Римской империи. Эмеса, располагавшаяся в

середине страны рядом с огромной сирийской пустыней Хамад, всегда испытывала влияние арабских племён арамеев. На границе эр с 81 г. до н. э. по 96 г. н. э. одна из арабских династий, названная по имени её основателя Самсигерам, сделала Эмесу центром небольшого царства. К потомкам этого влиятельного рода принадлежала будущая жена Севера – Юлия Домна. Её отец Юлий Бассиан был верховным жрецом главного божества арамеев – Элагабала – бога Солнца и животворящих сил природы. Храм Элагабала – громадное, богато украшенное здание, – находился в центре города. Сам бог почитался в облике большого чёрного камня конической формы, закруглённого снизу и острого вверху. Считалось, что он упал с неба и был нерукотворным изображением солнца.

Септимий Север пленился красотой дочери жреца, развёлся с первой супругой и женился вторично. Своего первенца, родившегося в 186 году, в честь деда назвали Бассианом. Через три года Юлия подарила мужу ещё одного сына – Гету. А вскоре молодой отец получил новое назначение и уехал служить на Балканы, в римскую провинцию Иллирию.

За несколько лет Север дослужился до военачальника римских войск в Иллирии. В 193 году его судьба круто изменилась. После смерти очередного императора – Коммода, сына Марка Аврелия, в стране наступило междоусобице. Преторианцы – гвардия, охранявшая римских императоров, – стали вести себя разнузданно: ими за деньги были устроены публичные торги за обладание императорским престолом. Сразу в трёх местах в Британии, Сирии и Иллирии войска подняли восстание и провозгласили императором Септимия Севера.

Опираясь на армию, Север ввёл в Риме деспотию. Он казнил 41 члена сената и сам взялся управлять делами. Вскоре в столицу переехали его сирийские родственники: жена с сыновьями, её сестра Юлия Месса с дочерьми Юлией Маммеей и Юлией Соемиадой. Север занимался войнами, семья проводила время в лености, пиршествах и интригах.

Каракалла

В 196 году Септимий Север провозглашает старшего отпрыска Юлия Бассиана цезарем и даёт ему имя Марк Аврелий Антонин. Это была неудачная попытка представить сына потомком великого римского императора и философа Марка Аврелия, чего на самом деле не могло быть, так как династические ветви Северов и Антонинов никогда не пересекались. Прозвище Каракалла он получил позднее за особого рода длинный плащ, который стал носить с 213 года.

Древние авторы и биографы в один голос сообщают, что в детстве Каракалла получил прекрасное образование, имел хорошие манеры, обладал множеством талантов и достоинств, отличался мягкостью характера и кротостью. Тем необычнее кажутся резкие перемены, происшедшие с ним в юношеском возрасте, когда будущий император стал предаваться разгулу и жестокостям. Возможно, они были вызваны участием с детских лет в военных походах отца, где юноше постоянно приходилось сталкиваться со сценами насилия. Может быть, повлияло поведение матери, не отличавшейся супружеской верностью. Кроме того, культовые обряды во время службы сирийскому богу Элагабалу сопровождались оргиями.

Младший брат Гета также был не ангельского характера. Сыновья императора с детства ненавидели друг друга, соперничали и враждовали между собой. После успешной Парфянской войны отец подарил титул цезаря и младшему сыну.

В 209 году стареющий Септимий Север провозгласил своих наследников соправителями. Мучимый подагрой и опечаленный расстроенными отношениями в семье – распутством жены и безнравственностью обоих сыновей, император умер во время похода в Британию в 211 году.

Поскольку исчезли всякие сдерживающие факторы, разнузданный и кровожадный характер Каракаллы стал проявляться ещё в более полной мере.

Вернувшись из британского похода в Рим в 212 году, он приказал убить Гету, а затем провозгласил его богом со следующими язвительными словами: «Он может быть богом только в том случае, если не будет больше жить». Затем Каракалла приказал казнить и приверженцев Геты, около 20 тысяч человек и даже учёного, законодателя и правоведа Папиниана за то, что тот отказался произнести речь в оправдание братоубийства.

Каракалла страдал манией величия – ему не давала покоя слава Александра Македонского. Он хотел объединить Запад и Восток, создав империю в духе Александра Великого, но, не имея полководческих талантов, не одержал в походах ни одной крупной победы.

Каракалла был убит заговорщиками в апреле 217 года во время похода в Парфянское царство. Кроме жестокости, он прославился тем, что даровал права гражданства Рима всем жителям империи. Из сооружений оставил после себя хорошо сохранившиеся до сих пор «термы Каракаллы».

Римский император Гелиогабал был сыном Юлии Соемиады, двоюродной сестры Каракаллы (её мать Юлия Месса – сестра Юлии Домны) и сирийца Вария Марцелла. При рождении получил имя Вария Авита, а затем, выдаваемый матерью и бабкой за незаконного сына Каракаллы (для того, чтобы иметь право престолонаследия), тоже принял имя Марка Аврелия Антонина.

После гибели Каракаллы трон захватил начальник преторианцев Макрин. Соемиада вместе с сестрой Юлией Маммеей и матерью бежали из Рима в Эмесу. Здесь её сын был посвящён в верховные жрецы бога солнца Элагабала.

Честолюбивые, привыкшие к власти женщины, опираясь на поддержку сирийских легионов, подняли восстание и в битве при Антиохии (8 июня 218 г.) нанесли Макрину поражение. Гелиогабал воспользовался ситуацией и объявил себя императором. Приехав из Эмесы, он сразу же приступил к постройке на Палатинском холме рядом с императорским дворцом храма, посвящённого сирийскому божеству Элагабалу, чем вызвал огромное неудовольствие римлян. Мало того, он решил перенести туда из храма Весты фигуру римского бога Палладия и поставить рядом с чёрным камнем (символом Элагабала), а сам женился на одной из весталок (жриц храма Весты) Аквиллии, предварительно разведясь с первой женой. Сам император не понимал причины недовольств, так как, согласно сирийскому культу, в его поступках не было ничего необычного – он просто соединил мужское и женское божества, верховного жреца и жрицу. Однако это было грубым нарушением римских традиций, попыткой превратить римский принципат в царство-жречество сирийского типа, в котором царь был только верховным жрецом своего бога и его воплощением на земле.

Увидев брожение среди горожан и волнения в римском гарнизоне, женская половина императорского дома попыталась исправить положение. Мать, бабка и тётка заставили Гелиогабала развестись с Аквиллией и женили его на представительнице высшей римской аристократии Аннии Фаустине из рода Антонинов. Понимая шаткость положения Гелиогабала, они вынудили его усыновить и сделать соправителем Бассиана Алексиана (будущего императора Александра Севера), сына Юлии Маммеи (сестры матери Гелиогабала) и сирийца Гессия Марциана. Все старания женщин привели только к ускорению гибели императора. Видя в Александре сильного соперника, Гелиогабал пытался лишить его полномочий, но это вызвало бунт преторианцев, и ему пришлось идти на попятную. Однако вскоре отношения опять обострились, ссора затронула и матерей соправителей – Соемиаду и Маммею. В начале марта 222 года Гелиогабал и его мать были убиты, а тела их, после надругательств, брошены в Тибр. Чёрный камень символ бога солнца Элагабала был возвращён в Эмесу.

Ещё будучи соправителем Гелиогабала, третий «сирийский» император Рима получил имя Марк Аврелий Север Александр. После гибели двоюродного брата юный Александр (ему было всего 13 с половиной лет) стал единоличным правителем. Однако фактически империей управляла его властная мать Юлия Маммея. Его подчинение матери, скупой на раздачу щедрот легионам, не осталось незамеченным – авторитет императора в войсках снижался. Судьбе было угодно, чтобы молодой император всё-таки проявил решительность. Случилось это на десятом году его правления.

На Востоке у Рима появился новый «старый» враг – возродилась империя персов, разбитых ещё Великим Александром. Всю власть в стране сосредоточил Ардшир, сын простого солдата Сассана, чем положил начало династии царства Сассанидов. Он потребовал от Рима вернуть ту часть Азии, которой владели персидские цари Кир и Дарий. Александр ответил военными действиями и в 232 году нанёс персам сокрушительное поражение. Однако это не упрочило его положения, так как римские солдаты понесли значительные потери не столько от неприятеля, сколько от изнуряющей жары и эпидемий. Едва отпраздновав триумф – не все в Риме разделяли радость этой победы – император отправился на Дунай и Рейн, чтобы отбить натиск проявлявших активность германцев. Однако прежде чем начать военные действия, стал вести переговоры о мире, сдобрив их богатыми подарками. Войска подняли восстание, и уже в Риме в марте 235 года Александр и его мать были убиты.

Прогулка по христианской части Хомса

О трёх императорах, выходцах из Сирии, судьба не оставила в Хомсе (Эмесе) никаких свидетельств. Храм бога солнца был разрушен землетрясением, священный чёрный камень – символ Элагабала – бесследно исчез – остались лишь его изображения на римских монетах того времени.

В 1957 году в восточной части города, где, в основном, живут христиане, под домами обнаружены катакомбы. Специалисты полагают, что под древней Эмесой существовал целый лабиринт галерей, где христиане в 3 веке исполняли свои обряды. Там же выявлена подземная часовня, в которой обнаружен футляр с древним поясом – он хранится рядом в небольшом музее. Учёные нашли несколько рукописных листов на арабском языке, в которых сообщалось, что это пояс Богородицы, переданный ею перед вознесением святому Фоме.

Рядом с краеведческим музеем на ул. Урша находится ещё одна святыня христианства – гробница святого Элиана. Он жил в Эмесе в конце 3 века и был распят 6 февраля 285 года за то, что тайно исповедовал христианство.

Кстати, известно, что последний из Северов – Александр – несмотря на влияние восточных религий, тайно симпатизировал христианам. В домашней капелле (ларариуме) он поклонялся изображениям Авраама, Орфея, Аполлония Тианского и Христа.

Кадеш – блуждающий город

Он стоял на пути пророков, хеттских царей и египетских фараонов

Иногда хочется сравнить Сирию с оживлённым перекрёстком, на котором с доисторических времён сталкиваются интересы отдельных личностей, государств и цивилизаций. Большинство исторических мест это страны обогатили мир бесценными археологическими находками. Удивительна роль Кадеша – находящегося в окрестностях современного Хомса и существовавшего между 2-м и 1-м тысячелетиями до нашей эры. От него не осталось ничего материального, зато судьба связала Кадеш с яркими библейскими событиями и грандиозной битвой 2-х супердержав Древнего мира. Да и о месте его расположения до сих пор идут споры.

На пути пророков

Из Ветхого Завета известно, что богатая арамейская семья, в которой родился Авраам (в арабской трактовке Ибрахим), жила на юге Месопотамии в Уре Халдейском, столице шумерского государства, а потом переселилась на север в город Харран. Это был большой шумный город, находящийся на пересечении караванных путей, в котором также обитали арамеи. Когда родители Авраама умерли, он стал главой рода и решил оставить Харран. Учёные подсчитали, что случилось это около 1850 года до н. э.

Итак, толпа пастухов в пёстрых одеждах, всего около трёхсот человек, во главе с Авраамом двинулась по дорогам Сирии в сторону богатой земли Ханаан, куда вождь решил переселить своё племя. По дороге им встретились два больших города **Кадеш** и Дамаск, где пастухи пополняли запас продуктов. Прежде чем дойти до желанного места, переселенцы прошли путь длиной около тысячи километров, большей частью пролежавший по пустыням и солончакам. Поэтому Кадеш, расположенный возле большого пресного озера, мог показаться им «раем земным».

Второй раз этот город связывают с библейским сюжетом уже через 600 лет. В Ветхом Завете сказано, что после исхода из Египта, прежде чем попасть в Ханаан, Моисей и народ Израиля надолго остановились в Кадеше. Остановка затянулась на целые 38 лет.

Единственное, что вызывало сомнение, тот ли Кадеш имели в виду составители Библии? Или было два города с таким именем. Если буквально следовать тексту Ветхого Завета, получается, что он расположен недалеко от Синайского полуострова. Ведь Моисей двигался на север через пустыню Фаран, после чего остановился в Кадеше. Дальше его путь проходил по югу Иордании, где на горе Ор (возле знаменитой Петры) скончался первосвященник Аарон. Впрочем, в Библии и без того достаточно много запутанных мест. А исторический Кадеш, не библейский, всё-таки был один, и расположен в Сирии в пятистах километрах выше мест, описываемых в Библии. Это доказано реальными историческими событиями, о которых расскажем ниже.

Пиар ход Рамзеса Великого

Примерно за 60 лет до прихода Моисея в Кадеш, на земле Сирии развернулось одно из самых грандиозных сражений древности. В это время на карте мира выделялись две супердержавы, поделившие примерно пополам громадное пространство от Чёрного до Красного моря: царство хеттов, размещавшееся на территории современной Турции, и Египет. Военные действия начал фараон Рамзес 2-й, считавший, что к нему должна отойти вся Сирия. По долине реки Оронт одна за другой двигались четыре его армии, названные именами главных египетских богов. Впереди была колонна Амона, её вёл сам Рамзес. На расстоянии 2-х километров шла колонна Ра, семи – колонна Птаха, а в десяти – сверкали на солнце знамёна бога Сета.

Рамзес вёл себя самоуверенно и не пользовался разведанными. Захватив в плен на подходе к Кадешу нескольких хеттских лазутчиков, фараон поверил их ложным измышлениям, о том, что хеттский царь Муватталис испугался могущества египтян и отступил к Халпе (современный Алеппо). Рамзес повелел устроить военный лагерь к западу от Кадеша и созвал совет. Неожиданно египетские военачальники обнаружили, что на этом месте ещё дымятся костры стоянки большого отряда. Они стали пытаться пленных, и тут раскрылся обман. Враг был рядом.

Рамзес тотчас послал гонцов к армии Ра, но было поздно. Муватталис обошёл колонну фараона и всей силой боевых колесниц обрушился на не готовую к бою колонну Ра, и одним страшным ударом уничтожил её. После чего с тыла подошёл к армии Амона, которой командовал Рамзес. Началась страшная резня.

Погибла и эта армия, бегством на колеснице спасся лишь фараон. Но придворный египетский летописец словами Рамзеса описал бегство, как подвиг фараона: «Амон даровал мне победу. Эта далёкая страна... лицезрела мою силу, когда я был один, и никто из великих не последовал моему примеру. И ни

единого возницы не было у меня под рукой... Но я ринулся на них! Я повергал и убивал их, где бы они не были... Ещё никто и никогда не одолевал сотен тысяч неприятелей сам, без пеших воинов и бойцов на колесницах!»

Дальше события развивались так, будто Амон действительно помогал египтянам.

Рамзес с личной охраной оторвался от преследования и, надеясь выйти к заранее подготовленной морской базе, так стремительно мчался к морю, что не сумел вовремя свернуть и избежать встречи с большим отрядом пехоты. Он уже натянул тетиву своего царского лука, когда увидел, что войско это – египетское подкрепление!

Рамзес возглавил отряд и повернул обратно. Хетты в это время соскочили с колесниц и делили добычу. Молниеносным ударом Рамзес ошеломил врага. Подоспели ещё две египетские колонны Птаха и Сета. Армия хеттов отступила за оборонительные укрепления Кадеша. Рамзес ни с чем вернулся в Египет. В битве с обеих сторон участвовало по 20 тысяч солдат. На стороне хеттов выступили царства и княжества, расположенные на территории Сирии. Говоря шахматным языком, сражение при Кадеше завершилось вничью, но поход был представлен населению Египта как удачный. На стенах храмов Абу Симбел и Карнакском египетскими мастерами выполнены рельефы, изображающие победоносные сцены битвы.

Фактически Рамзес первым в мировой истории применил, «грязные» политтехнологии, искажающие действительность, но позволяющие укрепить падающий авторитет. Не напоминают ли вам его пиар ходы действия современных политтехнологов, говорящих на чёрное – белое, и наоборот.

Кстати, обман Рамзеса скоро проявился. После смерти Муваталлиса Рамзес заключил с его приемником Хаттусилисом 3– «договор о вечном мире и дружбе», по которому раздел Сирии остался прежним (граница империй проходила по её середине, чуть южнее Кадеша) и женился на дочери хеттского царя.

Впрочем, просуществовал Кадеш недолго. В 12 веке его, как и Трою, и финикийский Угарит (кстати, участвовавший в войне с Египтом на стороне хеттов) разрушили «народы моря».

На поиски Кадеша

Если двигаться на поиски Кадеша со стороны Хомса, на пути обязательно попадётся озеро Каттина (12 на 4 км) – с древности и до позднего средневековья

оно называлось Кадеш. Очевидно, это обстоятельство навело учёных на мысль, что одноимённый древний город нужно искать рядом с его берегами.

Каттина – рукотворное озеро, образованное перекрытием реки Оронт. Когда это случилось, точно не известно. Римский историк 1-го века Страбон относит его создание ко времени фараонов. Арабский историк Абу-аль-Фида приписывает это Александру Македонскому. Однако считается, что Александр Великий лишь перестроил плотину (сейчас её длина 1120, ширина – 35, высота – 7 метров) и делал в её теле два сливных окна. Одно время на острове Тель ат-Тин в центре озера безуспешно искали древний Кадеш. Сейчас считается, что он находился на холме у южного края озера на месте деревушки Тель Наби Мендо.

Чтобы попасть туда, нужно ехать до 10-го километра трассы Хомс-Дамаск, потом повернуть направо и проехать ещё 3 километра – ориентиром служит мельница эпохи Древнего Рима, сложенная из чёрного базальтового камня. Найти на месте, где находился древний Кадеш, солидные археологические материалы мешают деревенские жилые строения Тель Наби Мендо. Но надежды остаются. Ведь переселило же правительство Сирии 20 лет назад население городка Мишриффе к северу от Хомса, чтобы раскопать древний шумерский город Катну.

Победить змея – победить зло

Правда и легенды о жизни Георгия Победоносца

Кто не знает сказки о добром рыцаре, победившем змея и спасшем целый город от его ненасытных притязаний. В Византии – Георгий Победоносец, в России – Егорий Храбрый, у мусульман – Хыдр Абу-ль-Аббас – это одно и то же лицо, святой великомученик, день рождения которого отмечается два раза в году: 6 мая и 14 сентября. Долгое время он считался скорее мифологическим героем, но в 4-м веке христианская церковь сделала его святым. Легенды и реальные сведения о нём так переплетены, что трудно определить границы.

В 15 веке русский паломник купец Василий совершил поездку по местам, связанным с подвигами святого Георгия, и оставил об этом путевые записки. Я попытался осуществить этот маршрут.

Чудо Георгия Победоносца

Местом рождения святого считается город Лидда, античный Диосполис, располагавшийся в Каппадокии (центральная Турция). Предание гласит, что Георгий принадлежал к знатному роду и дослужился до высокого военного чина. В период правления императора Диоклектина с новой силой

возобновились гонения на христиан, в числе которых был и Георгий. В 303 году Диоклектиан издал эдикт, который предписывал повсеместное разрушение христианских храмов и сожжение рукописей Священного Писания. В 304 году новым эдиктом император потребовал физического уничтожения всех христиан. Начались массовые казни, иногда истреблялись целые города.

Георгий отказался отречься от христианства, был подвержен пыткам и казнён в 303 году отсечением головы. Такова внешняя канва жизни святого. Дальше начинаются мифы и легенды.

Есть несколько версий жизни святого. В самой древней – его 7 лет мучает персидский царь Дадриан. Георгий три раза умирает и три раза воскресает. В четвёртый раз, после усечения головы, он умирает, но небесный гнев поражает его мучителей.

Литературную обработку житиё получило в греческой части Византии. Земли одного языческого царя опустошал дракон. Царь и граждане были обязаны отдавать ему на съедение детей. Когда в качестве жертвы в пещеру змея была вывезена царская дочь, явился Георгий в образе молодого воина и усмирил распоясавшегося злодея. Георгий отдал царевне свой пояс, на котором она привела повинившееся животное в город. После этого царь и тысячи его подданных приняли христианство.

В позднейших переделках (до 12 века) это житие послужило источником французских и немецких средневековых поэм. Оно же у восточных славян легло в основу стиха о Егории Храбром, в котором святой показан как устроитель земли русской.

Русский купец едет по следам святого Георгия

Однажды мне в руки попала рукопись о Хождении гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину, которое длилось 2 года и завершилось в 1466 году. Путь гостя (купца, говоря современным языком) пролегал через турецкие владения через 13 лет после взятия османами столицы Византии Константинополя и был небезопасен, а потом проходил по территориям, принадлежавшим египетскому султанату.

Больше всего меня заинтересовало посещение им мест, связанных с именем святого Георгия Победоносца. Первым таким пунктом был город Лидда.

«Приехали в него, – пишет путешественник, – 3 ноября в день святых мучеников Апексима, Анфилохия и Иосифа и день освящения храма святого Георгия, в котором находится его честная голова. Это город лежит на равнине,

укреплён насыпным валом, который обложен камнями. В город ведут трое железных ворот, около них бойницы и высокие стены. Большой городской посад, палаты и бани очень хороши, торговля обильная и очень хороша».

После этого Василий посещает город Хaleb (Алеппо), где гостит несколько дней, и следует дальше. Путешественника удивляет в этом сирийском городе обилие христиан и финиковых пальм. Не забывает купец делиться и впечатлениями о торговле: «Торгов много, многие торгуют с лотков».

Интересно описаны места, где произошло чудо святого Георгия:

«Город Хомс очень великий, дворы все огорожены, некоторые ограды между камнями. Стоит город на горе, а гора высокая. Мусульман в городе мало, а христиан много. Главная церковь у них Пречистая Богородица... Другая очень большая, стоит поодаль, на краю города, святого великомученика Георгия. Подле церкви престол, где лежат мощи святого мученика Иулиана. Город этот великомученик Георгий избавил от змея и девицу спас. Церковь эта и озеро близ города, и пещера здесь, откуда вылезал змей. Около озера гора, а сбоку, в стороне от этой горы, Средиземное море, где Георгий уморил змея. Здесь курган большой насыпан».

Я еду по следам купца Василия

Повторить путь купца полностью не удалось. Оказывается, во времена смутного средневековья совершить это было проще. Юго-восточные районы Турции охвачены волнениями курдов. Так что древняя Лидда оказалась вне зоны досягаемости. А вот от Алеппо через Хаму в Хомс – место, где Георгий вершил расправу над змеем, удалось проехать.

Исколесив город, я понял, что церкви святого Георгия в нём нет. К западу от Хомса лежит большое озеро Каттина, туда я и отправился в поисках пещеры и церкви. Не найдя змея, продолжил путь в сторону Средиземного моря.

Местные жители подсказали, что части пояса святого хранятся в монастыре Мар Джорджиус, так по-арабски звучит «святой Георгий». В дневное время проехать мимо было просто невозможно, так как монастырь расположен возле крепости Крак де Шевалье – одного из главных туристических маршрутов Сирии.

Я колесил довольно долго, потому что время было позднее, и на окрестные холмы опускалась ночь. Вдруг впереди засиял зелёный свет неоновой креста. Наконец-то цель путешествия достигнута.

Было время вечерней молитвы, после которой удалось побеседовать с местным священником. Вот что он рассказал:

– Монастырь основан при императоре Юстиниане. Во внутреннем дворике – останки фундамента. Рядом вход в подземную часовню, её возраст 900 лет. Надземный храм построен в 1857 году, на его строительстве 40 лет трудились мастера из Сирии, России и Греции.

Чтобы совершить спуск в подземную часовню, священник дал мне провожатых – юношу и девушку, входящих в общину при монастыре. Мы спустились глубоко под землю по древним каменным ступеням, прошли по узким тоннелям с низкими потолками и оказались в небольшой комнате с тёмными стенами, просмоленными от огня факелов и свечей. Громадное впечатление произвёл резной иконостас из чёрного дерева, изготовленный 400 лет назад. Провожатые рассказали, что часть икон была украдена, но в 1968 году с помощью Интерпола иконы были обнаружены в Англии и возвращены на место.

В канцелярии монастыря хранится редкий документ – написанная куфическим письмом в форме медальонов грамота 2-го «праведного» халифа Омара (634–644 г.г.), ограждающая обитель от произвола местных властей и от уплаты налогов. К грамоте прикреплен древний текст, приклеенный на ткань, со словами Мухаммеда о том, что арабы должны терпимо относиться к верованиям христиан. Внизу факсимиле четырёх «праведных» халифов и дата – 10-й век.

Увидеть частички пояса Святого Георгия не удалось – время было позднее, но я надеюсь увидеть их при следующей okazji.

Хама с окрестностями. Пальмира

Хама – город в центральной части Сирии, имеющий древнюю историю. В античную эпоху Хама подарила миру интересное техническое сооружение – деревянное колесо для подачи воды – норию. Колесо стоит вертикально, в лопасти по его периметру, благодаря течению реки, попадает вода. Оно крутится и подаёт воду наверх, откуда она по жёлобу передаётся на большие расстояния. Таких колёс в губернаторстве Хама насчитывается более двухсот – самые большие и красивые расположены в городском парке. В конце 19 века в Хаме, тогда заштатном городке Османской империи, были найдены камни с неизвестными науке письменами – так была открыта цивилизация хеттов. Теперь Хама – один из крупнейших и красивейших городов Сирии, утопающий в зелени и цветении садов и парков.

В окрестностях Хамы в крепости Шейзар родился известный арабский писатель, поэт и рыцарь Усама ибн Мункыз, оставивший после себя мемуары эпохи крестовых походов. От Хамы удобно добираться до древнего города Пальмира, визитной карточки Сирии.

Городок Калаат аль Мудык, расположенный в 65 км к северо-западу от Хамы, я выбрал для своей «базы», откуда осуществлял многочисленные поездки для изучения достопримечательностей Сирии. В окрестностях Калаат аль Мудыка находятся арабская крепость и античный город Апамея.

Апамея – город пятисот слонов

В 1 веке нашей эры население Апамеи приближалось к четырёмстам тысячам жителей, и была она третьим по величине городом Сирии после Антиохии (на Оронте) и Селевкии (на Тигре). Основал Апамею в 300 году до нашей эры Селевк 1, один из полководцев Александра Македонского, после смерти последнего отвоевавший в борьбе с другими полководцами – диадохами значительную часть Сирии. Этот город – один из крупнейших и интереснейших памятников эпохи эллинизма. Его территория так велика, что одной Сирии с археологическими исследованиями не справиться.

Путь от Хамы до Апамеи занимает полтора часа. Посетить этот удивительный город меня пригласил мой друг Мохаммад Керала – местный житель, директор небольшой гостиницы. Он же стал и моим гидом, рассказавшим много интересного об истории и сегодняшнем дне Апамеи.

Город в подарок жене, согдианской принцессе

Сокрушив в битве при Иссе Дария III и завоевав полмира, Александр Македонский решил соединить воедино две страны, жемчужины Запада и Востока – Грецию и Персию. Для этого он решил женить своих военачальников и солдат на знатных персиянках и жительницах персидских сатрапий (провинций). В резиденции Дария III Сузах была устроена грандиозная коллективная свадьба – в жёны командиру конной гвардии – гетайров Селевку досталась красавица Апама, дочь знатного вельможи Спитамена из Согдианны.

Селевк, очень любивший жену, назвал в честь неё город, который он построил в долине Габа недалеко от реки Оронт, и сделал его одним из крупнейших центров своего обширного царства.

Апамею окружала 6-километровая стена с семью воротами. 16 параллельных улиц пересекали такое же количество поперечных, разделяя город на кварталы правильной геометрической формы.

В Апамее Селевк держал большой военный гарнизон и армейскую казну. По сообщениям римского историка и географа Страбона, в городе располагался конный завод, насчитывающий 300 племенных жеребцов и 30 тысяч кобылиц. Однако гордостью Селевка I были 500 боевых слонов, которые были вывезены из Индии после походов Александра Македонского и составляли ударную силу армии династии Селевкидов. На спине у каждого слона в деревянной башенке сидело по 4 воина. Чтобы придать животным ярости, погонщики-индусы перед боем поили их вином и тутовым соком. Слоны были грозной силой и преградой для конницы противника. В битве при Иссе между преемниками Александра Македонского в 301 году до н. э., Антигон использовал 102 слона, а Селевк – 480.

Во времена Селевка I Апамея славилась изобилием дичи, обитавшей в царских парках и лесах. Историк Плиний писал, что в городе выращивали прекрасный виноград, вино из которого хорошо смешивалось с мёдом.

Кого подарила миру Апамея

Официальным языком царства Селевкидов (ещё его называли Сирийским) был греческий, который постепенно вытеснял местное арамейское наречие. Сирийское царство достигло наибольшего расцвета при Антиохе Великом, шестом царе династии Селевкидов (222–187 г.г. до н. э.). Оно занимало пространство от города Эфес (современная Турция) до Индии. При нём же начался и упадок царства – в 188 году Антиох потерпел сокрушительное поражение в войне с Римом. Причиной этого историки считают то, что царь пренебрёг советами знаменитого Ганнибала, жившего при его дворе в Эфесе.

Население царства было смешанным, но преобладающее положение занимали выходцы из Греции. Смешанным было и население Апамеи: здесь жили греки, финикийцы, арамеи, армяне и представители других народов. На протяжении шести веков Апамея была признанным центром науки и культуры не только Сирийского царства, но и всего эллинистического мира.

Город прославил историк, литератор и философ Посидоний (135 – 51 г.г. до н. э.), крупнейший представитель философов-стоиков, основатель Родосской школы, учитель таких знатных римлян, как Цицерон и Помпей. Здесь родился основатель науки психиатрии, автор трактата о пульсе Архиген, прославившийся во время правления римского императора Траяна. Опыт Архигена использовал знаменитый врач Гален, ссылавшийся на него в своих трудах. Апамея – родина Нумения (II век), яркого представителя философских школ неопифагореизма и платонизма. Философ Плотин (204–270 гг.) которого принято считать отцом неоплатонизма, опирался на труды Нумения. Известны

также ученики Плотина Порфирий и Ямвлих. Первый оставил научный труд об учителе – «Жизнь Плотина», под влиянием второго сформировались Пергамская и Афинская школы неоплатонизма.

Экскурсия по древнему городу с Мохаммадом Кералой

Развалины Апамеи расположены в шестистах метрах от городка Калаат аль-Мудык, где живёт мой друг Мохаммад Керала. Несколько дней я провёл у него в гостях. Отсюда ездил в увлекательные поездки в Латакию и Тартус, открывали для себя древние цивилизации Эблы, Угарита и Катны, посещал замки крестоносцев. Но всё же самой интересной была экскурсия по Апамее.

– В наш город приезжали Антоний и Клеопатра, римские императоры Септимий Север (ещё будучи в должности легата) и Каракалла, – увлечённо рассказывал Мохаммед. В этот момент мы проходили по главной улице Апамеи – **кардо максимус**. Длина улицы от Эмесских до Антиохийских ворот составляет 1,8 км, ширина проезжей части 20 метров. Во II-м веке римляне установили по обеим сторонам **кардо** 1200 коринфских колонн, на вершине которых размещались бюсты знатных особ Рима.

Мохаммад показал остатки **агоры** — главной площади города с торговыми рядами. Развалины дворца из 80 помещений, руины громадного театра (диаметр около 140 метров), языческих храмов и христианских церквей.

В двухстах метрах за театром у южного подножья холма с крепостью Калаат Мадык, в восстановленном караван-сараяе XVI века находится музей древнего города, главной ценностью которого являются римско-византийские мозаики. Центральное место в нём занимает панно «Сократ и мудрецы». Знаменитый философ и 6 старцев в тогах, восседающих за столом, напоминают о том времени, когда Апамея была центром неоплатонизма.

Из церквей мой гид выделил одну, называющуюся «круглой» (VI век), а также расположенную рядом с ней церковь Св. Косьмы и Дамиана, в IV веке перестроенную из синагоги. Считается, что святые были из этих мест. Они были врачевателями и занимались тем, что сейчас называется «тибетской медициной». Во время правления византийского императора Юстиниана здесь в каменных сосудах хранились их мощи. Один из сосудов можно увидеть в саду Национального музея в Дамаске. Мозаичный пол, сохранившийся ещё со времён синагоги, сейчас хранится в Королевском музее в Брюсселе.

Апамея перенесла несколько землетрясений, набеги арабов и крестоносцев.

После страшного землетрясения 1170 года город был полностью разрушен, и о нём забыли. Возродили Апамею бельгийцы, которые с 1930 года начали вести раскопки и восстановление древнего города.

Ключ к мозаикам монастыря Никертай

Бедуины Хуарти надёжно стерегут сокровища Византии

Это бедуинское селение есть не на каждой подробной карте Сирии. Мы с Мохаммадом Кералой мчимся в роскошном «шевроле» к шейху Абу-Аззаму, который уже 20 лет и бог, и царь для жителей Хуарти.

Кажется, природа обделила эти места: лысые холмы, пески и непонятно, как растущие на таком грунте оливковые рощи.

– Скучный пейзаж» – говорю я, глядя, как пастух перегоняет отару овец по пустынному, почти марсианскому гребню.

– Хочешь, я докажу тебе, что ещё недавно на этой земле водились львы, леопарды и павлины, – отвечает мой путник.

Я не понимаю, смеётся Мохаммад или говорит серьёзно. На всякий случай переспрашиваю: «Недавно, это когда?» – Может тысячу, а может и две тысячи лет назад. Если повезёт, и мы найдём ключи от древнего храма, ты увидишь всё сам.

В доме Абу-Аззама

Дом шейха Хуарти находился на самом высоком холме в округе. На пороге нас встречал его сын – Аззам.

– Отец отдыхает, я сейчас позову его, – сказал он и пригласил нас в просторную комнату. Обставлена она была более чем скромно. Над входом висели портреты шейха и именное оружие, по-видимому, символ власти. Под окнами с золотистыми занавесками – ряд подушек. С другой стороны – телевизор, и на полу – несколько серебряных и позолоченных сосудов. Вот и вся обстановка.

Несмотря на жару в доме было прохладно. Аззам приготовил нам отменный бедуинский чай, настоянный на местных травах.

Ещё по дороге Мохаммад успел немного рассказать о шейхе. Абу-Аззам стал правителем Хуарти в очень молодом возрасте, после службы в сирийской армии, когда умер его отец. Не смотря на то, что Абу-Аззам не получил

образования, благодаря природному уму и спокойному нраву, он пользуется у жителей огромным уважением.

Наконец, в комнату вошёл шейх, одетый в великолепный парадный наряд. Мы отложили чай и поздоровались. Абу-Аззам сел сбоку с Мохаммадом, а я, как почётный гость – в середине, рядом – сын шейха. Пока Мохаммад беседовал с отцом – они старые друзья – я разговорился с наследником. Аззам собирался поступать в университет в Дамаске, сейчас усиленно готовился к экзаменам. Он довольно бегло говорил по-английски, держался очень скромно, но с достоинством. Я показал ему снимки, сделанные в Сирии, он мне – семейные фотографии. После получасовой беседы мы стали прощаться. Я напомнил Мохаммаду о древних мозаиках. Оказалось, человека, у которого находились ключи от церкви, сейчас нет дома.

– Если хочешь, посмотрим на базилику, – предложил мой спутник. Я согласился. Мы объехали холм, на котором стоял дом Абу-Аззана, и остановились возле ничем не примечательных руин.

На довольно большой ровной площадке беспорядочно, словно после землетрясения, валялись плиты, камни, колонны. Сохранилась только трёхсторонняя арка. Но, думаю, если бы у неё было две точки опоры, то и она приняла бы горизонтальное положение.

Руины умеют хранить тайны

Я долго был в оцепенении... Многие исторические объекты на Ближнем Востоке уцелели благодаря особому свойству арабов, бережно относиться ко всему, что их окружает. Особенно к наследству, доставшемуся от древних цивилизаций. Берегли и эти развалины. Иначе, как объяснить, что они лежали в самом центре посёлка бедуинов. У нас бы давно растащили по камушку.

– Где же здесь мозаичные картины? – я в недоумении развёл руки.

– Они под землёй, – ответил мой друг.

Я уже видел в Сирии несколько подземных храмов: в монастырях Св. Георгия, Сергия и Вакха, Ильи-пророка. Это были ранневизантийские сооружения, сохранившие традиции катакомбных (подземных) церквей раннехристианского периода, когда учение Христа ещё было под запретом римских императоров. Все они являлись действующими культовыми сооружениями и столетиями поддерживались православными монахами. За этим же следили мусульмане. История знает несколько таких примеров. Взять хотя бы храм Гроба Господня в Иерусалиме – ключи от него несколько столетий хранятся в мусульманской

арабской семье. Правда, наш случай уникален. Место, где сейчас расположился посёлок Хуарти – это такая глубинка, даже по сирийским меркам! Очевидно, что нога туриста сюда не ступала. Словом, ещё не видя древних мозаик, я решил попытаться разгадать тайну руин, под которыми они находились. Сделать это было тяжело. Научные центры: Дамаск и Алеппо находились далеко – за сотни километров отсюда. Местным же было явно не до тайн, им бы свои насущные проблемы решить.

Туман начинает рассеиваться

Итак, мы вернулись в гостиницу, в которой, пользуясь безграничным гостеприимством Мохаммада, я жил почти неделю. Просить Мохаммада ещё раз съездить в Хуарти, было неловко. Помог случай. Меня пригласил на обед знакомый по имени Хусейн. Он окончил среднюю школу, что для жителей городка уже считалось большим достижением, и сносно говорил по-английски.

Традиционного, в европейском смысле, стола у арабов нет. Мы сидели на подушках, а поднос с едой стоял рядом на полу. Подавали кабачки и перец, фаршированные мясом. Вино арабы не пьют, его заменил айран – кефир, разведённый с водой и солью.

В доме было полно гостей. Создавалось впечатление, что всё мужское население городка прибыло поглазеть на иностранца. Участия в нашей трапезе они не принимали. Хусейн угощал их чаем.

Когда мы поели, ко мне подошёл малыш и предложил купить набор открыток с видами Апамеи. Я купил, и чтобы доставить ему удовольствие, стал рассматривать фотографии. К моему удивлению в наборе оказалась пара открыток с мозаиками из Хуарти. Подпись под одной гласила: церковь Св. Фотия – 483 век, под другой – церковь Св. Михаила – 487 век. Так у меня появились первые данные о том, что скрывали развалины. Поскольку церкви находились в безлюдной местности, в 20 км от Апамеи, я предположил, что это был монастырский комплекс, но вот какой именно и кто его разрушил? Учёные мужи в Дамаске и Алеппо, к которым я обратился, положительного ответа не дали. Пришлось выстраивать свою версию, которую, обложившись древними манускриптами, разрабатывал уже дома.

А пока я находился в Сирии, у гостеприимных арабов, надо было пользоваться моментом, чтобы узнать как можно больше. Я попросил Хусейна нанять машину для поездки в Хуарти.

– Давай съездим на моём мотоцикле, – предложил он.

Я в этот день был в длинном арабском платье до пят. Представить себя в таком одеянии на мотоцикле казалось выше моих сил. Правда, колебание было недолгим. Победила любовь к древностям.

Второе пришествие в Хуарти

Тусклый свет фонаря, принесённого хранителем Абу-Хикметом, выхватывал из мрака подземелья яркие краски мозаики. Не было сомнений, что мы находились в одной из самых ранних церквей христиан, в которой ещё не было икон – их с успехом заменяли мозаичные картины. Причём, религиозных сюжетов было не так много. Стены украшали диковинные птицы, сады с пальмами, цветами и виноградными лозами, потрясающей красоты орнамент. Скорее всего, это были вовсе и не сады, а окружающий пейзаж того времени, очень напоминающий африканские тропики. То и дело из кустов, нам на встречу выскакивали львы, леопарды и пантеры, которые гигантскими прыжками преследовали коз, антилоп и других мелких животных. Оттенки смальты, из которой древние мастера набирали картины – византийцы использовали до тридцати оттенков – со временем не потеряли свой цвет. Это потрясающее искусство вряд ли под силу возродить современным художникам – а ведь от сегодняшнего дня нас отделяли целых 15 веков.

Выйдя на свет Божий, мы долго щурили глаза. Яркие солнечные лучи, отражаясь от белого песка, били в лицо с невероятной силой. Абу – Хикмет, семья которого около ста лет охраняет диковинный мир, ничего не знал об историческом прошлом этих мест. Зато с упоением рассказывал о том, как не одно поколение местных жителей приходило любоваться творениями византийских мастеров. Он считает, что его соотечественники в полной мере являются наследниками и продолжателями этих традиций. Достаточно взглянуть на мозаики Мечети Омейядов в Дамаске, чтобы убедиться в его правоте.

Трудная миссия монастыря Никертай

Всё же мысль о том, что я не до конца знаю прошлое византийских базилик Хуарти, до сих пор не даёт мне покоя. Хотя, блуждание по томам энциклопедий кое-что прояснили. Прежде всего, для понимания роли Сирии в истории мировой культуры и религии.

В научных фолиантах я нашёл подтверждение тому, что видел собственными глазами и слышал от местных гидов. Первые в мире христианские монастыри зародились в Сирии, бывшей провинции Римской империи, перешедшей по наследству к Византии. Здесь же в противовес учению о Святой Троице появились первая христианская ересь и сектантство. Одни – сторонники

епископа Нестория – отказывали Христу в божественной сущности, считая его простым человеком, другие – последователи архимандрита Евтихия – считали его Богом, но только в единственном лице. Первых называли несторианами, вторых – монофизитами (от греческого – «одна натура»). Хотя вселенский собор осудил и тех и других, а власти преследовали еретиков, последователей у этих ответвлений христианства в Сирии оставалось очень много. Настолько много, что когда арабские завоеватели подошли к границам Византии, многие города сдались им без боя. Дело в том, что арабы пообещали побеждённым народам религиозную свободу и слово своё сдержали – до сих пор в Сирии несторианская и монофизитская церкви мирно сосуществуют с православием.

Но вернёмся к базиликам в Хуарти. Есть версия, что они входили в состав монастыря, называвшегося Никертаем Апамейским, который был практически единственным оплотом твёрдой христианской веры в Сирии того времени. Известно, что в 518 году во время религиозных беспорядков (задолго до арабского прихода) он подвергался нападениям монофизитов. По-видимому, дело завершили мощные землетрясения 1157 и 1185 г.г.

Арабы, как смогли, сохранили для нас оставшиеся под землёй сокровища.

Тайны крепостей ассасинов

Путешествие в средневековое прошлое Сирии

Несколько лет назад, читая роман Дэна Брауна «Ангелы и демоны», и представить себе не мог, что когда-нибудь пройду по следам основателей секты ассасинов, один из членов которой вёл непримиримую борьбу с главным героем книги – профессором Лэнгдоном. Думаю, о самой секте, как о явлении в жизни средневекового Востока автор не ставил себе цели рассказать, дабы не увести читателя от основной канвы повествования – заговора против Ватикана, устроенного тайной организацией иллюминатов. Да и не зачем это было делать – секта канула в лету ещё в 13 веке, и рассказ о ней ставил бы под сомнение логику появления вымышленного «ассасина», который вводился в сюжет скорее для экзотики – как воплощение абсолютного зла. Но, может быть, я слишком хорошо думаю о Дэне Брауне. Вероятнее всего, ему просто не доставало достоверных сведений. Известно, что он вольно обращается с историческими фактами, что говорить об ассасинах, одной из самых «тёмных» страниц в истории Востока.

От фантазий Дэна Брауна к действительности

Так случилось, что мне удалось найти свидетельства их деятельности в средневековой Сирии. Этому помогло исследование древних крепостей,

затерянных в Нусайритских или, как их ещё называют, Алавитских горах Сирии. Являясь продолжением хребта Антиливана, они на несколько сот километров протянулись вдоль берега Средиземного моря, начинаясь на границе с Ливаном и заканчиваясь на кордоне с Турцией. Нельзя сказать, чтобы эти горы были труднодоступны, но их пологие вершины облюбовали для возведения фортификационных сооружений три силы, игравшие в Средние Века важную роль на арене боевых действий в Сирии: крестоносцы, князья-мусульмане и пришлые в эту землю ассасины.

Путешествуя по стране в одиночку без знания арабского, без сопровождающих лиц и переводчиков, я забрался в отдалённый от крупных центров городок – Калаат аль Мудык, расположенный в долине Аль-Гааб, рядом с Нусайритскими горами. Если бы не античный город Апамея, открытый возле него в начале 19 века, нога европейца, а точнее любопытного западного туриста, ещё долго не ступала бы на эту каменистую землю. Тем не менее, я оказался единственным европейцем в радиусе 100 км, жившим почти 2 недели в этом регионе, не считая одного француза-археолога, периодически наезжавшего сюда для изучения древностей, и туристов, иногда приезжавших поглазеть на античные развалины.

Решение приехать родилось неслучайно. В прошлом году мне посчастливилось побывать в Апаmee с группой журналистов. После осмотра античного города, наш гид пригласил на чай к своему знакомому, владельцу местной гостиницы. Тогда он и познакомил меня с Мохаммадом.

Я послал ему поздравление с Новым годом и сообщил, что собираюсь приехать в гости.

Дорога

Итак, в 3 часа ночи я сел в Алеппо на скорый поезд, следовавший в Дамаск, и через 2 часа вышел в Хаме, пребывая в полной растерянности от того, что был единственным пассажиром, сошедшим в этом городе. Я достал из сумки карту, пытаюсь сообразить, как в такую рань доберусь до автовокзала. Неожиданно из-за угла станционного здания появился мой спаситель – высокий араб в длинном платье и сандалиях «на босу ногу». Если убрать усы, ни дать ни взять древний римлянин, завернутый в белоснежную тогу. Радостно жестикулируя с таким видом, как будто он ждал меня всю жизнь, новоиспечённый «римлянин» втолковывал, что за несколько сот сирийских лир готов доставить меня хоть на край света, не то, что в какой-то Калаат Мудык. Для 80 км, которые предстояло одолеть, сумма в 9 долларов, на которой мы остановились после небольшого торга, была просто смешной. Вот такие в Сирии цены. Еда, фрукты, одежда – всё стоит дёшево.

Его такси, поразительно напоминавшее устаревшую советскую модель, ехало с небольшой скоростью, но я не жалел об этом: любовался опрятным видом ухоженных полей, наслаждался чаем, которым водитель поил меня из термоса. Трасса шла вдоль Оронта, благодаря которому долина Аль-Гааб, стала житницей Сирии. Удивительно, но поля до сих пор снабжались водой из реки с помощью древних, известных еще со времён Рима, деревянных колёс – норий. В местечке Шейзар я попросил задержаться на минуту, чтобы посмотреть одно такое колесо, а вышло так, что провели здесь с полчаса, любуясь могучей крепостью, внезапно возникшей в лучах восходящего солнца на возвышающемся над городом холме. Так я познакомился с Хасимом, таксистом, с которым вдоль и поперёк исколесил Нусайритские горы в поисках крепостей ассасинов.

Калаат аль Мудык

Калаат Мудык представлял собой одну, застроенную одноэтажными домами, улицу, на которой была сосредоточена вся деловая жизнь города – несколько маленьких магазинчиков, такой же миниатюрный базар и автостанция. Кроме того, дома жителей были разбросаны вокруг холма, на котором находилась старинная арабская крепость, заселённая жильцами, как гигантский многоквартирный дом. Она и дала название городу – «калаат» на арабском языке означает «крепость». Центром цивилизации считалась гостиница, в которой я остановился. По вечерам в её ресторане собирался цвет общества. Мохаммад, словно диковинку, представлял меня главам многих знатных семей, а однажды пригласил к себе в гости, познакомил с женой, пятью детьми, отцом, братом.

Время в Калаат Мудыке тянулось медленно. Утром с восходом солнца, пока всеобъемлющая жара ещё не занимала господствующего положения над городом, я оправлялся наверх на плато, и бродил по развалинам Апамеи, кажущейся ещё прекрасней в розовом свете утренней зари. Потом спускался в долину, сидел в ресторане, общался с арабами, в полдень читал и спал. Здесь так принято. Днём, спасаясь от жары, все спят, не работают ни магазины, ни кафе, ни учреждения, зато вечером допоздна сидят за чашечкой кофе или неспешно потягивают кальян. Я же вечера напролёт поглощал имеющуюся у меня литературу, много времени уделяя изучению религиозных верований. Не переставал удивляться, как здесь наравне с христианами и мусульманами, уживаются зараострийцы – приверженцы культа солнца, езиды, поклоняющиеся дьяволу, друзья, верящие в переселение душ. Даже почитатели сунизма и шиизма, двух главных ветвей ислама, которые противоборствовали в других странах, ведут себя здесь, словно родные братья.

После смерти Пророка Мухаммеда в Аравии начались проблемы... Суниты – наряду с главной священной книгой всех мусульман Кораном, признавали сунну – собрание, содержащую предания о поступках пророка Мухаммеда и его изречения. Шииты, признавая Коран, опирались только на избранные места сунны.

Главой государства считался халиф, лицо выборное.

Но шииты настаивали на том, что верховная власть предопределена свыше и должна принадлежать только наследникам Пророка, а именно потомкам четвёртого «праведного» халифа Али – соратника, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, женатого на его дочери Фатиме. Передача власти, по их мнению, должна была осуществляться от отца старшему сыну.

У Али было много детей от разных жён – 14 мальчиков и 19 девочек. По мере дробления рода увеличилось число претендентов на власть, вызывая в стане шиитов различные ответвления. Одно из них – исмаилизм.

Шестой шиитский имам Джаафар ас-Садик лишил своего старшего сына Исмаила права наследовать сан. Часть шиитов не согласилась с этим, и после смерти последнего провозгласила седьмым имамом Мухаммеда, сына Исмаила. Боясь возмездия, потомки Исмаила бежали. Мухаммед – в Персию, его дети – в Индию. Али с сыновьями – в Сирию. К концу 11 века в Персии, на южном побережье Каспийского моря образовались первые исмаилитские общины. Глава одной из них, основатель секты ассасинов Хасан Саббах захватил замок Аламут и положил начало создания государства ассасинов, единственного в своём роде, так оно не имело границ – его подданные небольшими анклавами жили в захваченных крепостях.

Наши пути с Лоуренсом Аравийским расходятся

Однообразие бытия и чтение книг быстро наскучили. Вернее, чтение пробудило интерес к изучению окрестностей и расположенных в них памятников истории, которые в виде условных значков были прилежно нанесены сирийскими картографами на туристические карты. Несколько поездок к бедуинам и в близлежащие крепости крестоносцев Калаат Борзей и Сьон – не удовлетворили моего любопытства. Мне было известно, что британский авантюрист Лоуренс Аравийский, археолог, писатель и разведчик в одном лице, за три летних месяца 1909 года прошёл пешком более тысячи миль от Алеппо до Иерусалима и изучил 36 крепостей крестоносцев. Свои наблюдения он систематизировал, снабдил рисунками, фотографиями и на их основе написал научную работу. Её

под названием «Замки крестоносцев» уже после смерти Лоуренса, в 1936 году небольшим тиражом издал его младший брат. В отличие от знаменитого британца, путешествовавшего по равнине, я задумал добраться до крепостей ассасинов, спрятанных в глубине гор, куда пешком путешественнику было идти затруднительно. Они практически никем не изучены, потому что основное внимание учёных привлекают памятники древних цивилизаций хетов, арамейев, шумеров, финикийцев, которые в большом количестве разбросаны по всей Сирии. Собирался недолго, позвонил Хасиму, и на следующий день в семь утра выехал из гостиницы.

Первым на нашем пути должен был оказаться замок Абу Кбейс. Во время 1 крестового похода нормандские рыцари Танкреда захватили Абу Кбейс, но у феодала не было сил, чтобы оставить здесь гарнизон, и он попросту обложил замок данью. Арабский летописец Ибн Мункыз пишет, что в 1133 году ассасины договорились с неким Ибн аль-Марджи, что он проникнет в крепость и сдаст её за богатый куш. Такова была тактика ассасинов. Они добивались своего где подкупом, а где шантажом и убийствами.

Гашиш, острый клинок и смерть во имя веры

Название ассасины происходит от арабского «хашшашин», то есть, «потребители гашиша» – наркотики использовались в секте для усиления зависимости от высшего руководства. Захватив несколько крепостей в горных районах Северного Ирана, ассасины стали проникать в Сирию.

В начале 12 века эмир Алеппо Рыдван первым из сирийских вельмож поддержал «миссионеров» и примкнул к секте. Он выделил сектантам помещение, в котором те вели службу. За это ассасины отблагодарили Рыдвана в присущей им манере: прямо в мечети во время проповеди «неизвестные» закололи его злейшего врага – эмира Хомса Джанаха ад-Даула. В это время в Сирии происходили жестокие сражения между крестоносцами и арабскими правителями. Каждый хотел найти нового союзника. Дары рекой текли в сундуки секты, где перемешивалось золото тех и других. Симпатии ассасинов часто менялись. В 1126 году они поддержали сельджукского атабека Дамаска Тогтекина и помогли ему отбиться от войска крестоносцев. В 1149-м уже вместе с «освободителями гроба Господня» сражались против арабского полководца Нур ад-Дина. Через три года ассасины убили одного из лидеров крестоносцев Раймонда 2-го, графа Триполийского, а в 70-х дважды покушались на жизнь грозы крестоносцев Салах ад-Дина. В их среде воспитывались воины-смертники «федаины», для которых ничего не стоило пойти на смерть ради веры. Граф Анри Шампанский, посетивший замок ассасинов Кахф, наблюдал такую сцену: «На высоких башнях замка несли дозор закутанные в белые одежды стражи.

Желая произвести впечатление, шейх подал сигнал, и тотчас двое из них не раздумывая ни секунды, бросились с башни в пропасть на острые камни». А на прощание, сделав богатые подарки, хозяин замка предложил свои услуги по устранению любого, кого пожелает граф.

Абу Кбейс

Купец Ибн аль-Марджи часто навещал Абу Кбейс, проще говоря, был там своим человеком. Однажды, войдя в крепость, он ночью убил сторожа и открыл ворота. Вместе с крепостью к ассасинам перешла обязанность платить рыцарям-госпитальерам владельцам крепости Крак де Шевалье 800 золотых в год, а также снабжать их сыром и поставлять ячмень для лошадей.

Добраться до крепости было непросто. Перебравшись по мосту в районе городка Тель Салхаб на другую сторону Оронта, мы углубились в горы по дороге, идущей вдоль глубокого ущелья. Не доезжая до городка Абу Кбейс, свернули и поднимались ещё с 1 км по горному серпантину. Абу Кбейс – настоящее орлиное гнездо, примостившееся на краю пропасти. До наших дней хорошо сохранились стены с пятью башнями и остатки внутренних построек. Побродив по развалинам и сделав несколько снимков, я подошёл к обрыву, с которого открывалась захватывающая дух панорама долины. Когда-то она представляла собой болотистую местность, поросшую лесами и изобиловавшую дичью. Здесь любили охотиться египетские фараоны Тутмос 3-й и Аменофис 4-й. Известно, что за 10 лет охоты в Сирии последний самолично убил 102-х львов, а уж трофеям в виде оленей, фазанов и зайцев несть числа. Полюбились эти места и крестоносцам, но не красотой, а возможностью собирать дань за проход караванов, поэтому они строили крепости по обеим сторонам долины.

Меня же интересовали не рыцари креста, а ассасины. Они забирались высоко в горы в труднодоступные районы. Теперь здесь пролегает прекрасное шоссе, оно весело петляло меж горных вершин. Пейзаж напоминал Карпаты. Такие же покатые склоны, «зелёные полонины» и море цветов по обе стороны дороги, только на сирийском асфальте, в отличие от украинского, нигде не видно ни выбоин, ни щербинки, ни какого-либо другого, хотя бы незначительного дефекта. А ведь мы находились в глубинке. На промежутке пути в 20 км, что оставались до следующего городка Ад Далена, нам не встретилось ни одной машины, зато попадались крестьяне, трудившиеся на своих участках. Они поголовно культивировали растение, листья которого после сушки употребляются для курения: их мнут пальцами и заворачивают в тонкую бумагу, так что каждый курильщик сам мог сделать себе сигаретку.

Почитатели культа Луны и божественной триады

Поскольку ассасины являлись сторонней силой в борьбе крестоносцев и мусульман, они большей частью держались подальше от конфликта, занимаясь возведением крепостей и проповедуя исмаилизм. Принуждение – не лучший способ повлиять на умы людей. Горцы, слушая их проповеди, к вопросу выбора религии подходили творчески. Они приняли другое учение, ещё одно ответвление шиизма и стали называть себя алавитами – от имени зятя Пророка Али, или нусайритами – от имени Мухаммеда Ибн Нусайра ан – Нумайри, жившего в Басре в 9 веке. Есть северная (или «солнечная») группа алавитов с центром в Киликии в Турции и южная (или «лунная») с центром на горе Кардаха в Нусайритских горах. В вероучении, культе и обрядах алавитов заметно влияние христианства и пережитков первобытных верований. Бог почитается в виде неразрывной Триады, которая периодически воплощается в пророках. Последнее воплощение этой Триады такое – Али, сам Мухаммед и Сальман аль-Фариси (иранец, сподвижник Мухаммеда, давший ему много полезных советов). Алавиты почитают этих трёх деятелей не как святых, а видят в каждом символ определённого религиозно-философского понятия. Так Али олицетворяет мистический «Смысл», связанный с существованием бога. От «Смысла» исходят «Имя», получившее олицетворение в образе Мухаммеда, и «Врата» в образе Сальмана аль-Фариси. Наряду с верой в эту троицу, у алавитов сохранились элементы культов Солнца, Луны, звёзд, утренней и вечерней зари.

Маника

Где-то недалеко от Ад Далена, который находится в 20 километрах от горы Кардахи, религиозного центра местного населения, размещалась крепость ассасинов Маника. Мы остановили машину и стали расспрашивать мужчин, сидевших в тени развесистой оливы у края дороги. Один из них, немолодой крестьянин, несмотря на жаркое время одетый так, что не стыдно пойти и на приём к английской королеве, сказал, что объяснить трудно – лучше он проедет с нами и покажет, при условии, что мы вернём его обратно в дружескую кампанию.

Маника располагалась на высоком холме, господствующем над долиной Нахр Хрейсун. Ассасины сделали её неприступной, выдолбив в примыкающей к холму скале, глубокий ров. Эта сторона считалась наиболее уязвимой при осаде, поэтому именно здесь было возведено мощное укрепление – донжон. Ассасины построили Манику одной из первых в начале 12 века, почти сразу же после прибытия в Сирию своих первых эмиссаров. В середине 80-х годов крепость попала в руки ордена госпитальеров, но вскоре под натиском мусульман вернулась к прежним хозяевам. Только через сто лет в 1273 году крепость была взята султаном Бейбарсом.

После Маники дорога пошла вниз, горные плантации с табачной травой уступили место цветущим садам и виноградникам, с крутых виражей начинал просматриваться голубой треугольник Средиземного моря.

На землях крестоносцев

Приближался Банияс – довольно крупный по меркам Сирии город. Мы проехали по типично приморским улицам с белыми зданиями и пальмами, заглянули на рынок. Обходительный Хаким угостил своего пассажира чашечкой кофе и мороженым. Не знаю, готов ли отечественный таксист на такой «подвиг», здесь такая любезность – рядовой пример восточного гостеприимства.

Нам предстояло найти ещё 2 крепости ассасинов. Для этого нужно было снова пересечь горы, но тут я вспомнил про Маркаб, крепость крестоносцев, расположенную в 5 км от Банияса. И хотя это не входило в мою концепцию, не захватить в Маркаб было нельзя.

Крепость на высоком холме у моря, с какой бы стороны на неё не смотреть, представляла величественное зрелище. Чтобы описать её красоту, архитектурные особенности и историю, понадобится отдельное и немалое повествование. Поэтому скажу главное – Маркаб, последний оплот крестоносцев на сирийском побережье – ни разу не был захвачен арабами в бою. Рыцари-госпитальеры оставили его 1285 году, договорившись с противником о перемирии. Известный факт из истории: в 1192 году Ричард Львиное Сердце держал в заточении в подвале замка родственника византийского императора – Исаака Комнина, правителя Кипра, вступившего в союз с Салах ад-Дином. Грек умер в Маркабе подозрительно быстро.

Кадмус

Мы ехали в сторону Хамы, откуда мне предстояло выехать в Дамаск. Нусайритские горы в этой части маршрута были более пологими. Но долина Нахр Хрейсун, которую мы видели из крепости Маника, а теперь огибали с другой стороны, не казалась менее глубокой. С края шоссе можно было видеть деревеньки, рассыпанные по склонам гор, уступами спускающиеся вниз, несколько поселений находилось на самом дне долины. До Кадмуса доехали быстро. Крепость, находившаяся на высоком холме, была видна издалека, но, заехав в город, мы долго не могли её найти, настолько застроенной современными домами оказался холм. Исмаилиты купили Кадмус в 1132 году у некоего Ибн Амруна. Крепость была их первым форпостом в Нусайритских горах и некоторое время главным центром, пока горный старец не перевёл свою резиденцию в Кахф. Как и все предыдущие крепости ассасинов, она была отобрана полководцем Бейбарсом в 1273 году.

В нескольких километрах от Кадмуса на глаза попался лагерь бедуинов, раскинувший палатки у небольшого холма рядом с шоссе прямо под линией ЛЭП. Там обитало несколько семей во главе с шейхом Мубараком, тёзкой президента Египта. Рисковое дело – здесь я осушил до дна глубокую металлическую миску, до краёв наполненную свежим овечьим молоком, притом, что дома даже не позволял себе пить не пастеризованное коровье молоко. Смелость города берёт, обошлось без осложнений.

Масьяф

Наконец, вдали показался Масьяф, а над ним, словно венец над царственной головой – руины крепости. Когда-то на её месте стояла римская сторожевая башня, потом – замок византийцев.

Масьяф часто менял хозяев. В 1103 году его захватил отряд крестоносцев под руководством Раймонда Сен Жильского. В 1110 году по соглашению с атабеком (правителем) Дамаска он был отдан мусульманам в обмен на ежегодную дань. В 1127 году Масьяф купило семейство Мункызов, владевшее также крепостью Шейзар. В 1140 году они перепродали Масьяф ассасинам. В 1169 г. здесь была устроена резиденция «горного старца» Рашида ад-Дина Синана аль-Басри, присланного из Персии руководить ассасинами Сирии. «Горный старец» путём подкупа и террора усилил позиции ассасинов, сосредоточив в своих руках более 10 крепостей. Преуспел и в заказных убийствах. В декабре 1174 году ассасины проникли в лагерь Салладина, подобрались к его палатке и только благодаря счастливой случайности были опознаны и убиты. В мае 1176 года во время осады Азаза наёмные убийцы, переодетые воинами Салладина, опять напали на него. На защиту вождя встали верные эмиры. Арабский лидер отделался лёгкими ранениями. Последняя выходка «горного старца» не прошла даром. В августе того же года армия Салладина окружила Масьяф, но осада была снята. Возможно, из-за тайного соглашения, одним из пунктов которого было убийство Иерусалимского короля Конрада де Монферрата, врага Салладина. Оно было совершено в 1192 году. Арестованные на допросе признались, что являлись ассасинами, а Монферрата убили по «заказу» короля Англии Ричарда 1.

Масьяф – любимое детище ассасинов – дважды в 1220 и 1249 гг. реконструировался. Последняя дата связана с надписью, которая гласит, что Тадж-ад Дин Абу-ль Футух, очередной глава ассасинов, выстроил здесь новые стены.

Масьяф был последней крепостью на моём пути.

Круг замкнулся. Две недели назад я выехал из Хамы, чтобы познакомиться с малоизвестными для путешественников местами и, теперь снова вернулся в этот город.

12-13 в.в. – «смутное время» в истории Ближнего Востока, когда в борьбе за власть в регионе схлестнулись интересы Запада – в лице крестоносцев, Византии, арабского халифата, турок-сельджуков. Представленный здесь маршрут, который в полной мере можно было назвать «золотым кольцом» сирийских крепостей, открывает новые горизонты для любителей истории и приключений.

Пальмира – город-мираж

Путешествие по Сирийской пустыне в царство красавицы Зенобии

В нашем сознании укоренилось, что Одессу и Санкт – Петербург за их красоту называют соответственно Южной и Северной Пальмирой. Кое-кто слышал, что Пальмира – древний сказочно красивый город, символ богатства и роскоши. Но то, что он расположен в Сирии, знает гораздо меньше наших соотечественников, а бывали там единицы. Туристические маршруты в этот регион ещё не получили у нас широкого распространения. А зря. Западные туристы: немцы, французы, японцы – законодатели мод в освоении Ближнего Востока – давно Пальмиру, визитную карточку Сирии.

Любимый город Агаты Кристи

Когда-то там, где расположена Пальмира, был цветущий оазис, находившийся на пересечении торговых путей. Жители его, племена бедуинов, богатели на торговле и приёме караванов на отдых. Так возникло Тадморское царство. Оно привлекало внимание завоевателей мира – греков и римлян. Особенно преуспели последние, сделавшие правителей Тадмора вассалами Рима. С середины 1 века более двухсот лет они оказывали влияние на жизнь тадморцев, и те постепенно переняли римский быт, обычаи, нравы, архитектуру. Столица бедуинского царства превратилась в образцовый римский город. Но всё изменилось, когда после гибели властителя Тадмора Одената править царством стала его жена – Зенобия. Она бросила вызов Риму, подчинив себе всю восточную часть Римской империи. Но воевать с Римом трудно, и после 6 лет войны Зенобия потерпела поражение. Богатый город захирел, а после землетрясения в 10-м веке жители и вовсе покинули его. Со временем город был занесён песками и только в 1797 году случайно обнаружен двумя английскими купцами.

Каждый уважающий себя путешественник мечтает посетить эту жаркую жемчужину Востока! Когда знаменитый автор детективов Агата Кристи ехала навестить мужа, ведущего археологические раскопки в Сирии, она сделала крюк длиной в 300 километров, чтобы увидеть этот город-мираж. Мне пришлось пролететь несколько тысяч километров, чтобы подобраться поближе к царству Зенобии.

«Но что необычного будет в том, если оставшиеся пару сотен я проеду как все, на машине или автобусе? – рассуждал я, лёжа на мягких подушках в кругу своих арабских друзей. – Вот, если бы на верблюдах, было бы что вспомнить». Мохаммад, владелец маленькой гостиницы в сирийской глубинке, и шага не ступивший без любимого «шевроне», не колеблясь, поддержал мою идею. Хусейн, мой спутник по ряду путешествий, робко высказал сомнения в целесообразности «верблюжьего рейса». Но меня трудно остановить, если я что-либо задумал. Мы долго искали верблюдов в окрестностях городка Калаат Мудык, но так и не нашли. Пришлось звонить в Хаму Касиму, ещё одному моему знакомому. В большом городе проще решать проблемы. Касим перезвонил через 3 дня и сообщил, что завтра заедет на машине и отвезёт к владельцу верблюдов, уточнив, что его сводничество обойдётся мне в 20 долларов. Он приехал в семь утра вместе с дочерью, выпускницей колледжа, прекрасно говорившей по-английски. По дороге пытался отговорить меня от экзотической поездки: «Искандер (Александр – по-арабски), доплати ещё 30 долларов, и я отвезу тебя на машине со всеми удобствами. А так ты намучаешься и потеряешь ещё сотню». Я был непреклонен.

День – в Сирийской пустыне

Владелец верблюдов имел в Тадморе (так называется Пальмира по-арабски) дальнего родственника, поэтому и согласился на вояж в 200 километров. Одного верблюда он нагрузил подарками; на второго сел сам; третий ждал меня, глядя отстранённым мутным взором на какую-то аппетитную колючку, росшую неподалёку. Наконец Хасан подал сигнал. По его свисту верблюд согнул передние колени, потом задние и плавно опустился на землю. Как только я вскарабкался на жёсткое седло, Хасан свистнул ещё раз. Теперь верблюд выполнил процедуру в обратном порядке. Сначала, выпрямляя задние колени, он поддал мне такого пинка, что я чуть не упал вниз через его голову; когда животное поднялось на передние ноги – чуть не сделал сальто-мортале назад. Дальше больше: при движении верблюд совершал колебательные движения, и я вместе с седлом мотался из стороны в сторону. Если вспоминать что-то ужасное в моей жизни, то езду на верблюде можно сравнить с морской качкой в несколько баллов. Да, не зря его называют «кораблём пустыни» – через полчаса признаки морской болезни были налицо.

Пустыни в Сирии не соответствуют тому образу, к которому мы привыкли в кино: ни тебе песка, ни тем более барханов. Твёрдая каменная равнина, кое-где поросшая колючими кустами, какие-то спёкшиеся комья земли, кочки, мелкие камни. Конечно, иногда попадались песчаные участки, но барханов – не было. Куда ни кинешь взгляд, всюду видишь «плоскостопное» однообразие, и тебя охватывает бесконечное уныние.

Ближе к полудню я взмолился о привале. Не знаю, что больше подействовало на Хасана – крики «stop», или мимика моего лица. Он достал что-то наподобие керосинки и за 5 минут сварганил крепкий чай. Для поддержания сил протянул горсть фиников. Привал был слишком короток. Мучения мои продолжились.

Мы сделали ещё одну остановку, чтобы пообедать, после которой Хасан, по видимому, не укладывающийся в график, дал команду перейти на рысь. В конце концов, я привык к такому темпу и даже слегка задремал, прижавшись щекой к верблюжьему горбу. Из состояния полудрёмы вывели крики Хасана: «Гарби, Гарби». Он показывал на какой-то силуэт, по мере приближения принимавший контуры не то крепости, не то дворца. Это Каср Аль-Хейр Аль-Гарби, замок 8-го века, летняя резиденция халифа Хишама из рода Омейядов – догадался я. Судя по карте, Хасан сбился с пути вправо на 30 км. Но я не стал его ругать. Интересно было ознакомиться с древней ирригационной системой. По сведениям арабских источников, халиф развёл в центре пустыни огромный сад и любил здесь, вдали от дамасской суеты, предаваться меланхолическим размышлениям. Хасан торопил ехать дальше. Ослушаться было нельзя – в пустыне темнеет быстро.

Ночь – в номере Агаты Кристи

Мы подъехали к гостинице «Зенобия» в кромешной тьме. Хасан уехал ночевать к родственнику в новый Тадмор, построенный рядом с древними руинами, а я – в заранее забронированные апартаменты. Это был самый большой номер самой старой гостиницы города, открытой ещё в 1921 году. В нём несколько дней жила Агата Кристи. В 1937 году писательница отправилась из Лондона в Сирию к мужу, археологу Максимилиану Мэллоуэну, который вёл раскопки к северу от Евфрата... Попасть сюда удобнее всего через Турцию, до которой Агата Кристи добиралась в «Восточном экспрессе». Здесь у неё и родилась идея знаменитого детектива, действие которого развивается в поезде. Второй муж Агаты Кристи, Мэллоуэн, был известным учёным. В местечке Тель Брак он раскопал древнее святилище, построенное около 5 тысяч лет до н. э. Найденный объект получил название «храм глаза», потому что при раскопках было обнаружено более 300 статуэток, изображавших два глаза на подставке. По гипотезе Мэллоуэна, эти статуэтки приносили верующие, чтобы избавиться от глазных болезней или от

завистливого ока. Может быть, с тех пор на Востоке так популярен амулет в виде глаза.

Сначала я гордился тем, что ночую в номере Агаты Кристи. Это казалось мне наградой за добровольное участие в мучительных верблюжьих бегах. Не чувствуя под собой ног, отказавшись от ужина, я бухнулся на широкое ложе и приготовился смотреть радужные сны. Не сомневаясь, что попаду в крепкие объятия Морфея, дал указание метрдотелю разбудить меня в четыре часа, чтобы не проспять рассвет. Но не тут-то было. Сон не приходил. Вместо этого в глазах вспыхивали яркие блики, кровать уплывала, покачиваясь, словно на верблюжьих горбах. Под утро удалось вздремнуть. Снились глаза на подставке.

Утро – в садах Пальмиры

Ровно в четыре раздался стук, спасший от мучительного взгляда из глубин 5-го тысячелетия. Через 15 минут я уже бродил в полутьме колонн древнего города, начинавшегося в 2-х шагах от гостиницы.... Не знаю, откуда взялся он, громадный араб в белом платье до пят с бедуинским платком на голове и стареньким велосипедом в руках. Шёл он со стороны пустыни навстречу приближавшемуся рассвету. Не мираж ли? Незнакомец махал рукой, приглашая следовать за ним. Я пытался отказаться, объясняя, что хочу снимать рассвет. Араб радостно кивал головой, всем видом давая понять, что покажет что-то необычное. ...Путь по пескам оказался недолгим. Мы подошли к длинному глинобитному забору, казалось, такого же возраста, что и древняя Пальмира, прошли вдоль него, а потом нырнули в узкий коридор меж двух бесконечных стен. Мой провожатый остановился возле калитки и пригласил войти. За ней оказался сад, состоящий из дюжины исполинских пальм. Хозяин открыл дверь в небольшой сарайчик, постелил на земляной пол пыльную циновку и пригласил сесть.

– Искандер, – представился я, прижимая правую руку к груди.

– Махму, – ответил хозяин сарайчика.

Наконец я рассмотрел его лицо: длинный сливовидный нос, щетинистые усы и глаза навывкате. Такой портрет не сулил ничего доброго. Я пожалел, что не взял с собой перочинный ножик для карандашей, – не Бог ведь какое оружие, но всё же... Махму протянул мне горсть грязных фиников. Поблагодарив за угощение, я попытался незаметно сунуть их в карман. Радужный хозяин жестами потребовал, чтобы я отведал дары. Он не спускал с меня хмурого взгляда, пока я не дожевал до конца один финик и не выплюнул косточку. Удовлетворённый этим, Махму набрал небольшой пакетик фруктов и протянул мне. Оценив

радушие по достоинству, я принял его. Но что-то с этим подарком было не так. Махму пристально всматривался в меня. Потом протянул руку к свитеру из чистой верблюжьей шерсти и, бешено вращая зрачками, что-то залопотал по-арабски. Сначала я ничего не понимал. Одно только слово «мафи» он, как безумный, повторил с десяток раз. «Наверное, причисляет себя к славной когорте мафиози и требует взамен фиников свитер», – осенило меня. Чтобы внести ясность в этот вопрос, я прикоснулся к свитеру, а потом указал пальцем на Махму. Тот радостно закивал головой. Я протестующе замахал руками. Тогда Махму указал на мой зелёный шарфик. Его жесты и мимика были понятнее слов: «Я бедный, у меня большая семья, мне нечем кормить детей». Недолго думая, я отдал шарф. Это заметно снизило напряжённость. Махму дал понять, что официальная церемония завершилась, и проводил меня к выходу. Вдруг сомнение на миг овладело им. Он прошёл несколько метров и открыл ещё одну дверь в заборе. Она вела в другой сад, больше первого. В нём земля была усеяна финиками. Махму наполнил ими пакет, вручил мне и после этого попрощался. Навсегда. Я знал, что за эти финики он ничего не попросит.

Храм Бела

Приключение в садах Пальмиры отняло сил не меньше, чем езда на верблюдах. Если бы рядом оказалась церковь, я готов был неустанно молиться Господу за благополучный исход «фотосессии рассвета». По стечению обстоятельств, через десяток метров я наткнулся на древний храм. Он находился на вершине искусственной насыпи за громадным забором, не глинобитным, как в садах, а составленным из больших, тщательно подогнанных каменных блоков. Из путеводителя понял, что нахожусь рядом с храмом Бела, верховного владыки мира, культ которого был введён на Ближнем Востоке несколько тысячелетий назад. В Пальмире Бел (он же – Баал или Ваал) отождествлялся с Зевсом, и вместе с богом солнца Ярихболом и богом луны Аглиболом составлял триаду богов Пальмиры. Похоже, христианский догмат о Троице, соединивший Бога-отца, Бога-сына и Святой Дух, возник не на пустом месте.

На рубеже 3-го и 4-го веков в христианском мире проходили острые споры о Троице. В это же время пальмирцы стали заменять главного бога триады богом с запретным, неизвестным именем. Он именовался «Тот, чьё имя благословенно в вечности». К нему обращались и в радости, и в горести, называя добрым и великодушным, а также милосердным и воздающим. Такая перестройка в сознании была вызвана усилением влияния христианства на Ближнем Востоке. Языческой Пальмире оставалось сделать лишь шаг навстречу нашей вере. Он и был сделан в 4-м веке, в византийское время в городе было построено несколько христианских храмов. Утвердиться Христовой вере помешало арабское нашествие, через 3 века принесшее бедуинам ислам и единого бога Аллаха. Впечатляющая эволюция религиозного мышления и взаимопроникновения религий. Мне, уставшему от бессонницы,

встречи рассвета и богословских размышлений, последние метры пути в гостиницу казались шагами по вечности

Зенобия Пальмирская – царица пустыни

Черноволосая стройная красавица с осанкой воина, в белой тунике, подпоясанная ремнём с коротким мечом на привязи, с царственной диадемой на голове, опершись на невысокий портик дворцовой террасы, задумчиво смотрит на город. В нём она родилась, выросла, вышла замуж, родила сына, пережила смерть мужа и отсюда, как когда-то её дальний предок – Ганнибал, бросила вызов Великому Риму.

Имя её – Зенобия. Она затмевала красотой Семирамиду и Клеопатру, умом не поступалась великим философам, а мечом владела не хуже бывалого воина. Если бы не вероломные предательства, она стояла бы сейчас на подступах к Вечному Городу – Риму. А теперь всё наоборот: римляне здесь – под стенами её родного города, окружённого со всех сторон пустыней.

Родина

Люди в пустыне жили всегда. Трудности бытия не пугали их. Радовались всему: скорпиону, зарывшемуся в горячий песок, верблюдице, принёсшей детёныша, парящему в небе орлу, осеннему дождю, пролитому богом неба Ваалом, и тёплому летнему лучу, ниспосланному богом солнца Белом.

Наконец, научились сохранять живительную влагу в немногочисленных оазисах. Один из таких – Тадмор. О нём известно из Библии. Караваны купцов останавливались здесь на постой. Купцы пили воду из колодца, прятались в тени пальм. Платили за это деньги или рассчитывались частью товара. Богател и рос Тадмор, пока не затмил своей славой города Ассирии и Вавилона. Поэтому один из ассирийских царей разрушил его. Из Библии же известно, что восстановил город из пепла царь Соломон. А помогли ему в этом, как писал поэт древности Набиг ад-Дубьяни, джины – таким чудом он казался для людей. Все эти события происходили в конце 2 тысячелетия до нашей эры.

Прошло тысячу лет. Благодаря системе ирригации в пустыне заколосились поля пшеницы. Крестьяне по два раза в год собирали урожай зерна и овощей. Тадмор богател, потому что находился на Великом шёлковом пути. В город приезжали купцы из Рима и Греции, чтобы обеспечить население своих стран продовольствием, а богатых людей предметами роскоши: шелками, пряностями, благовониями, драгоценными камнями. Особую активность проявлял воинственный Рим, который захватывал богатые города Сирии, и, в конце концов, установил контроль над Тадмором, а император Адриан дал ему новое

имя – Пальмира. Город стал развиваться по законам метрополии. По римскому подобию, здесь начали строиться форумы, цирки, театры, бани. Местные жители стали посещать школы, учить языки. Отдали дань и римской моде: бедуины надели римские тоги и сандалии. Более того, когда при императоре Каракалле жителям провинции дали право быть гражданами Рима, у пальмирцев появились двойные имена: родное – арабское и официальное – римское.

Родословная

Так было и с Зенобией. Её римское имя Юлия Аврелия Зенобия. Выйдя замуж, она получила по мужу ещё одно – Септимия. А арабское имя – сразу и не выговоришь – Аль-Забба бинт Амр ибн Сараб ибн Хасан ибн Адина ибн аль-Самида. Оно отражает имена несколько поколений её арамейских предков. В молодости Зенобия подписывала документы именем отца Бат-Заббаи. Прозвищем её и её матери было Аль-Забба, что означает в переводе «та, у которой длинные красивые волосы».

Девушка родилась в 240 году в очень знатной семье. Её отец Заббаи ибн Селим был шейхом одного из племён и сенатором Пальмирского парламента с римским именем Юлий Аврелий Зенобий. Его родословная просчитывается на шесть поколений и восходит к вождю одного из арамейских племён Самсигараму, который в начале 1 века нашей эры сделал Эмессу (сейчас сирийский город Хомс) столицей небольшого царства. Родственниками отца Зенобии были Юлий Бассиан, верховный жрец главного божества арамеев – бога солнца Элагабала, его дочь Юлия Домна – жена римского императора Септимия Севера, и таким образом, все члены императорского рода Северов. Мать девушки была египтянкой, она умерла при родах Зенобии. Отец дал дочери прекрасное образование. Она знала греческий, латинский, арамейский и древнеегипетский языки, читала произведения Гомера и Платона. О красоте Зенобии слагались легенды. Дошло описание историков её времени: «женщина с матовой кожей, чёрными глазами и зубами белыми, как жемчуг». Сама Зенобия считала своё генеалогическое древо более разветвлённым. Она говорила, что род её берёт начало от финикийской царицы Дидоны, ставшей правительницей Карфагена. К этому роду принадлежали и Баркиды, в том числе, полководец Ганнибал. С другой стороны она отсчитывала родство от царя Египта Птолемея, одного из сподвижников Александра Македонского, а посему красавица Клеопатра, принадлежавшая к роду Птолемеев, тоже считалась её родственницей.

Муж

В 258 году в возрасте около 20 лет Зенобия вышла замуж за правителя Пальмиры – Одената. Он был внуком римского сенатора арабского происхождения, казнённого за участие в бунте, а правителем стал в год своей женитьбы (до того времени был консулом), унаследовав от отца, Септимия Хайрана, титул «князя Пальмирского» – на арамейском языке «раш Тадмор».

В 260 году персидский царь Шаппур I захватил в плен римского императора Валериана, разгромил его легионы и оккупировал большую часть римской провинции Сирии. Персидские войска подходили вплотную к пальмирскому оазису, и сын императора – Галлиен, занятый борьбой с многочисленными претендентами на трон, обратился к правителю Пальмиры с просьбой о помощи. Оденат, возглавив римские и пальмирские войска, выступил против персов и разгромил их могущественную армию. В благодарность Галлиен присвоил Оденату звание «дуксы» – фельдмаршала, дававшее право командовать всеми войсками Рима в Азии, и имя «восстановителя всего Востока». Более того, Галлиен признал за Оденатом право называться не царём, а местным императором. С этого момента Оденат получил полную власть над всей Сирией – в то время в неё входили территории Ливана, Палестины и Аравии, и даже Армении. Пальмира стала первым городом в Азии, столицей Ближнего Востока.

Дружба с римлянами была недолгой. Галлиен понимал, какую опасность таит признание равным себе властителя Азии, но отнимать титул и армию было не за что – Оденат был лоялен Риму. Оставался испытанный приём – убийство.

В 267 году царь и его старший сын от первого брака Геродиан были приглашены в город Эмессу на праздничные гуляния и там убиты наёмным убийцей, Меонием, племянником Одената. Из Рима поступили «искренние соболезнования»: император скорбел о смерти лучшего полководца Востока. Казалось, опасность устранена. Младшему сыну Одената Вабаллату, рождённому от Зенобии, всего год. Теперь Пальмире придётся примириться с ролью второстепенного княжества.

Галлиен не учёл только одного. Вдова правителя Пальмиры – не только красавица, но и одна из самых умных и энергичных женщин древности – оказалась способной причинить Риму «головную боль».

Царствование

Зенобия сопровождала мужа во всех его походах и многому научилась у талантливого полководца, каким был Оденат. Сама она отличалась умом, энергией и смелостью. Могла день проскакать в седле, если требовалось, шла на

марше вместе солдатами, в битвах всегда была на переднем крае с мечом в руках. Она носила плащ пурпурного цвета, а на голове – шлем. Одно её появление впереди войска вдохновляло солдат на подвиги. Современники так говорили о ней: «Из двух мужчин – Зенобия лучший мужчина!». Эти слова находили подтверждение и в её привычках: в охоте на диких зверей и выпивке наравне с сильным полом ей не было равных. Это как-то не вязалось с её хрупкой фигурой, красивым мелодичным голосом, обаянием, исходившим от её женственного облика. И, видимо, это помогало ей в переговорах на высшем государственном уровне.

Как правитель, Зенобия проявляла недюжинную мудрость. Она не облагала большими налогами иудеев, занимавшихся ростовщичеством и другими денежными операциями. Об этом сказано в Талмуде. Лояльно относилась к христианству, в то время как повсеместно оно подвергалось гонениям. Причём, поддерживала все его направления, даже считавшиеся еретическими. Так она поддержала еретика Павла из Самосаты, отрицавшего божество Иисуса Христа, и при ней он возглавлял антиохийскую кафедру.

Зенобия пригласила к своему двору философа Кассия Лонгина, одного из основателей Афинской академии неоплатонизма. Философ учил царицу греческому языку, вёл с ней дискуссии на философские темы, всячески поощрял её стремления расширить сферы влияния Пальмиры на весь Восток.

В этом, пользуясь неразберихой в политическом мире Рима, Зенобия преуспела больше всего. Постепенно она вытеснила римские войска из Сирии. Потом присоединила к своему царству большие территории в Малой Азии: вплоть до Босфора – на западе и Анкиры (современная Анкара в Турции) – на севере. Главным достижением Зенобия считала захват Египта – одной из самых больших провинций Рима на Востоке – причём, боевые действия она оправдывала тем, что по праву является наследницей династии Птолемеев. Своего сына Луция Юлия Аврелия Септимия Вабалаттуса Атенодора Зенобия поставила царём Египта, а себя провозгласила Августой Востока.

Война

Римляне не сразу осознали нависшую над ними опасность. Рим был раздираем борьбой за власть. После гибели Галлиена в результате заговора в 268 году на престол взошёл полководец Клавдий. После его смерти от чумы в 270 году императором провозгласили брата Клавдия Квинтилла. Тот процарствовал всего 17 дней и был убит своими солдатами, потому что показался им слишком строгим. Весной 270 года к власти пришёл опытный полководец Аврелиан. Почти весь год он занимался тем, что отстаивал рубежи Рима от нашествия

германских племён и устранял соперников, покушавшихся на императорский трон. Наконец, разделавшись с алеманами, готами, галлами и внутренней фрондой, Аврелиан решил восстановить права Рима на Востоке. Он обрушил на Зенобию и её союзников всю военную мощь империи.

В 271 году начался Большой Восточный Поход. К нему Аврелиан готовился с особой тщательностью. Он объявил дополнительный набор солдат на своей родине Иллирии (территория современных Словении, Боснии и Хорватии) и сформировал из земляков 1 Иллирийский легион. К тому же римляне воевали не только силой оружия. Где подкупом, где лестью, где с помощью угроз, они привлекали на свою сторону союзников Зенобии. А нужно отметить, что завоёванные Пальмирской царицей местные древние народы – сирийцы, египтяне, греки, армяне, персы – не очень радовались тому, что попали в зависимость от кочевников-бедуинов, да ещё во главе с женщиной. Истожились и сокровища Пальмиры, а без экономики, какими бы смелыми и отважными ни были войска, достичь преимущества очень тяжело. Не хватало денег, чтобы кормить и вооружать союзников. Фронт растянулся на несколько тысяч километров, и верных пальмирских частей не хватало, чтобы закрыть все бреши в обороне.

После нескольких упорных сражений армия Зенобии потерпела поражение под Антиохией. В следующем 272 году остатки войск были разбиты под Эмессой, где за шесть лет до того погиб Оденат. Верные части во главе с царицей отступили в Пальмиру, укрывшись за её высокими стенами.

Политика

Активная фаза войны между Римом и Пальмирским царством длилась уже два года. Несмотря на победы, силы армии Аврелиана были истощены. Пальмирцы защищались ожесточённо. В письме в Рим император доносил, что нет такого места на городской стене, где бы не стояли по две или три баллисты. На римлян обрушивались тысячи стрел, одной из них был ранен сам Аврелиан. Метательные орудия выбрасывали на головы нападавших даже огонь. Немалую роль сыграли и сирийские бедуины-разбойники, внезапные набеги которых императорские войска с трудом отражали. Кроме того, по донесениям из Рима, в других местах империи возникали очаги войны, которые нужно было гасить. В этих условиях император решил пойти на переговоры. Вот что пишет об этом его биограф Вописк:

«Наконец, измученный тяготами войны Аврелиан послал Зенобии такое письмо: «Аврелиан, император Римского государства, отвоевавший Восток, Зенобии и всем, кто воюет сообща с ней.

Вы должны были бы сами сделать то, чего я требую от вас теперь в моём письме. Я повелеваю вам сдаться и обещаю сохранить неприкосновенной вашу жизнь, причём ты, Зенобия, будешь жить вместе со своими близкими там, куда я помещу тебя согласно решению блистательного сената. Драгоценные камни, золото, серебро, шёлк, коней, верблюдов вы должны передать в римское государственное казначейство. Пальмирцам будут оставлены их права».

Получив это письмо, Зенобия ответила более гордо и высокомерно, чем позволяло её положение.

«Зенобия, царица Востока, Аврелиану Августу.

Никто, кроме тебя, до сих пор не просил в письме того, чего требуешь ты. На войне все решает доблесть. Ты предлагаешь мне сдаться, как будто не знаешь, что царица Клеопатра предпочла умереть, но не жить в безразлично каком почёте. Персы не отказываются прислать мне на помощь войска, и мы уже ждём их; за нас стоят сарацины, за нас – армяне, а твоё войско, Аврелиан, победили сирийские разбойники. Что же? Если соберутся все вооружённые силы, которые мы ждём со всех сторон, тебе придётся отказаться от той надменности, с какой ты повелеваешь мне теперь сдаться, как будто ты в полной мере победитель».

Крах

Итак, переговоры ни к чему не привели. Но это не смутило Аврелиана, а, наоборот, подтолкнуло к более активным и гибким действиям. Он стянул все свои силы и взял Пальмиру в тесное кольцо. Предварительно, где подкупом, где угрозами склонив на свою сторону армянскую и сарацинскую конницу. Персы же предпочли не ввязываться в военные действия и заняли выжидательную позицию. Поняв безвыходность положения, Зенобия решила бежать вместе с сыном на боевых верблюдах. Ей не хватило буквально нескольких минут, чтобы уплыть на персидском судне, поджидавшем её на берегу Евфрата. Римская конница настигла царицу, когда та садилась на корабль, и с торжеством доставила в лагерь. Пальмирцы, лишившись царицы, капитулировали. Зенобия с её сокровищами была отвезена в Рим.

В солнечный октябрьский день 274 года римляне стали свидетелями роскошного триумфа императора Аврелиана, покорителя Востока. По улицам стройными рядами шествовали когорты римских легионеров, участвовавших в осаде Пальмиры. За ними везли в повозках сокровища храма Бела и статую одного из поверженных пальмирских богов. Далее, скованные цепями, следовали захваченные в плен арабские воины. За императорской колесницей

шла женщина необыкновенной красоты, скованная золотой цепью. Это была Пальмирская царица.

Аврелиан сохранил Зенобии жизнь и даже подарил ей поместье в Тибуре (сейчас – Тиволи, недалеко от Рима). Но птичка не может жить в золотой клетке – вскоре Зенобия умерла. По другой версии, вышла замуж за римского сенатора и имела от него нескольких дочерей, которые потом вышли замуж за знатных римлян.

Сохранилось письмо, которое Аврелиан направил римскому сенату в ответ на язвительную критику сенаторов, что, мол, император одержал победу над женщиной. «Право, те, кто упрекает меня, не находили бы для меня достаточных похвал, если бы знали, что это за женщина, как разумны её замыслы, как непреклонна она в своих распоряжениях, как требовательна по отношению к воинам, как щедра, когда этого требует необходимость, как сурова, когда нужна строгость».

Лучше о своём враге не скажешь...

Когда многочисленные туристические группы посещают развалины древней Пальмиры, экскурсоводы показывают место, где на колоннах Большой колоннады стояли статуи Одената и Зенобии. После взятия Пальмиры римляне уничтожили статую Зенобии и даже выломали кронштейн, на котором она стояла; статую Одената позже переплавили на металл. Но до наших дней сохранились почётные надписи *Septimia Zenobia* – на колонне, и *Septimus Odenatus* – на кронштейне. Время не смогло стереть их имена...

Алеппо и его окрестности

Алеппо называют столицей Северной Сирии. Это второй город по величине после Дамаска и не менее древний. Первое упоминание о нём находится в египетских текстах начала III тысячелетия до н. э.

Вокруг Алеппо нет такого зелёного пояса садов, как в Дамаске – лет тридцать назад здесь случился двадцатиградусный мороз и весь цветущий оазис, окружающий город, вымерз. Восстановить утраченное оказалось непросто. И, хотя новые насаждения прижились, с былым буйством зелени, не сравнялись, поэтому Алеппо по-арабски иногда называют «Аш-Шахба», то есть серый.

Тем не менее, Алеппо – город очень красивый и местные жители им очень гордятся. Своеобразный вид ему придают многочисленные христианские церкви и мусульманские минареты, а также расположенная в центре города

огромная средневековая крепость. Лично я открыл для себя неповторимые армянские кварталы с многочисленными маленькими гостиницами, кафе и ресторанами.

Welcome!

Многие мои знакомые привыкли проводить отпуск «вверх животом» на пляжах многозвёздочных отелей Анталы и Хургады. Когда они в очередной раз рассказывали, что пили и ели, я решил поделиться своими впечатлениями о пребывании в Сирии: рассказывал о поездках в античные города и византийские монастыри, о неприступных крепостях крестоносцев и дворцах арабских халифов, о европейском комфорте в отелях и изумительной сирийской кухне. Сначала в глазах моих собеседников сквозило удивление, потом восхищение и, наконец, они зажглись романтическим блеском.

Восток открывается европейцам не сразу

Ещё ожидая посадку на сизокрылый лайнер Южных авиалиний, понял: буду едва ли ни единственным европейцем рейса Одесса – Алеппо. Лет тридцать назад, когда советские специалисты помогали братскому сирийскому народу строить социализм, поездкой в Сирию никого бы не удивил. Сейчас мой индивидуальный тур выглядел экзотично. Сирийские бизнесмены, студенты, украинские жёны сирийских граждан, их дети – вот практически полный перечень моих спутников. И только в Алеппо, проходя пограничный контроль, обнаружил небольшую группу русскоговорящих пассажиров. Пристроившись к соплеменникам, осуществлявшим шоп-тур, я подумал, что убил двух зайцев: выехал вместе с ними в город и устроился в гостинице.

Оформляя визу в посольстве Сирии, я познакомился с молодым, энергичным киевлянином. Он только что вернулся из Дамаска и пришёл поблагодарить работников посольства за то, что помогли ему познакомиться с такой самобытной страной.

Я собирался в дорогу, поэтому был рад любой информации. Интересовало всё: где лучше отдохнуть, какие цены в отелях и где лучше остановиться?

– О цены очень приемлемые. Я находил гостиницы с кондиционером и всеми удобствами за 7 дол. Сирию нельзя не любить, она восхитительна! – восторгался Олег.

...Отель, в котором останавливались мои попутчики, владельцы контейнеров с седьмого километра, назывался «Ярмук». Одноместных номеров не было, поэтому я оплатил двухместный – 16 долларов в сутки. Цена для Украины

смешная. «Почти уложился» – радовался про себя, вспоминая рассказ киевлянина. Удобства стандартные: туалет, душ, кондиционер, холодильник, телевизор.

Небольшая ознакомительная прогулка показала, что я нахожусь в самом центре Алеппо. Напротив расположился Национальный музей, направо за углом – старинная гостиница «Барон» (в ней останавливалась Агата Кристи и другие знаменитости). Влево – 5 минут по улице Аль-Маари, названной в честь известного арабского поэта средневековья, и ты на площади Баб аль-Фарадж, получившей название от средневековых ворот, уже снесённых. На ней возвышается башня с часами, выстроенная по французскому проекту в 1898 году.

Я был в восторге. Но он закончился с возвращением в отель.

Номер был очень тесный, практически без мебели. В душе было сыро, капал кран. Это очень напоминало одесский комфорт советского периода.

Проснулся с твёрдым намерением поменять гостиницу.

В офисе моего знакомого Халюма Асада, главы авиа компании, сделавшей мне, как журналисту, грандиозную скидку на поездку в Сирию, почти все говорили по-русски.

– В вашей гостинице останавливаются мелкие и средние бизнесмены, – пояснил Асад. – Целыми днями они мотаются по нашим заводам, заказывая текстиль и обувь. Поэтому им всё равно, где переспать. Я познакомлю вас с переводчиком, он поможет устроиться в хороший отель и проведёт экскурсию по Алеппо.

Здравствуй, Алеппо!

Номер в четырёхзвёздочном отеле «Планет» стоил 50 долларов, но зато я был обеспечен комфортом, роскошью и обедом. Отель располагался в десяти минутах ходьбы от площади Часов, отсюда мы с переводчиком Тахой Камбаром начали экскурсию по Старому городу.

В Алеппо сохранилось пять древних ворот. Мы подошли к Северным под названием Баб Антакья, которые незаметно вписались в современный интерьер.

На другой стороне улицы бушевал красками овощной базар. Каждый торговец считал необходимым расхваливать свой товар зычным голосом. Думаю, в Украине это не понадобилось бы, так как на начало июня цены, в пересчёте на гривни, были следующие: огурцы и помидоры – по 3 гривни; абрикосы,

черешня, персики – по 5 гривен за 1 килограмм. Согласитесь, при минимальной зарплате сирийцев 200 долларов выглядит впечатляюще. Стаканчик мороженого в автомате на улице – 1,5 гривни, стакан свежеежатого сока (другой сирийцы просто не пьют) – 4 гривни.

За воротами внутри Старого города тоже расположился базар, только вещевого. В отличие от фруктово-овощного собрата, он размещался под старинными каменными сводами, поэтому в знойный день сохранял спасительную прохладу.

Если отступить на несколько шагов в сторону от бесконечных «вещевых» тоннелей, то можно полюбоваться шедеврами древнего арабского зодчества, что мы и делали с моим гидом. Первым делом посмотрели «чёрный» камень, вписанный в стену древней мечети (джамии) Кыкан, расположенной на пригорке, слева от ворот. На нём надпись на хеттском языке – ей более 4-х тысяч лет. Сразу перед воротами Старого города упираешься в первую построенную в Алеппо мечеть – Джамии Шуэйбия. Она сейчас на реставрации. На стене справа в верхнем углу можно прочесть раннюю надпись на арабском языке – ей около полутора тысяч лет.

Через сто метров справа, несколько в глубине – медресе Мукаддамия, одно из самых старых в Сирии, в 1168 году перестроенное из христианской церкви. Портал украшен медальонами с рельефными узорами, вырезанными в камне.

Если пересечь главную торговую магистраль и идти влево, через два квартала выйдешь к главной мечети Алеппо – Джамии аль Омауи (мечеть Омейядов). В народе её называют просто – Большая (Джами аль-Кабир), или мечеть Закарии – так как в ней находится символическое захоронение отца Иоанна Крестителя.

Она была построена в 715 году халифом Сулейманом, представителем рода омейядов. Из-за торговых рядов мечеть плохо видно. Поэтому, чтобы получить удовольствие от её красоты, необходимо по улице Сук Истамбул (Стамбульский рынок), выйти на площадь. А ещё лучше снять обувь и войти во двор мечети.

Здание сильно пострадало от разрушений и пожаров, и в 1168 году было перестроено полководцем Нур ад-Дином. От мечети открывается прекрасный вид на цитадель – главную достопримечательность Алеппо. К ней мы проехали на такси – самом удобном виде транспорта в городе.

Цитадель невозможно описать, её нужно видеть. Это целый город, окружённый высокой крепостной стеной, в котором есть всё для того, чтобы выдержать многомесячную осаду – резервуары для воды, колодцы, мечеть, театр,

мельница, дворец, казарма. И, конечно, подземные ходы, по которым можно выбраться из крепости в город.

Во второй половине дня, мы отправились на приём к начальнику департамента туризма Алеппо господину Нассеру Ади. Я рассказал господину Нассеру, что после посещения Одессы Временным Поверенным Сирии в Украине господином Абудиябом и его встречи с мэром Одессы, отдел туризма Одесского горисполкома получил задание укрепить туристические контакты с Сирией.

Глава департамента рассказал о туристических возможностях Сирии:

– Сирия – это музей под открытым небом. Столько всевозможных памятников разных цивилизаций нет ни в одной стране мира. У нас есть города, построенные финикийцами, хеттами, ассирийцами, шумерами, греками, римлянами и даже египтянами. Только в окрестностях Алеппо расположено более ста «мертвых городов», оставленных византийцами в 6 веке нашей эры после нашествия персов. С тех пор жители там не появлялись, поэтому многие сооружения сохранились в первозданном виде, и представляют своего рода учебное пособие по изучению быта и культуры раннего Византийского государства.

На прощание мы обменялись буклетами. Я подарил господину Нассеру диск с фильмом об Одессе и предложения о сотрудничестве.

Возвращались в гостиницу в приподнятом настроении, с уверенностью в том, что сирийско-украинские отношения в области туризма улучшатся. Для будущих гостей Сирии хочу сказать, что их ждут интересные путешествия и тёплый приём. Сирийцы, приветливые и вежливые люди. Прямо на улице незнакомые лица улыбаются и приветствуют иностранцев: «Welcome!». Кажется, это слово знают в Сирии все, от мала до велика!

Поездка в Наби Хури

Наби Хури в Сирии знают... Этот городок на северо-западе страны рядом с турецкой границей получил название по имени святого Хури, чей прах в 16 веке потеснил в гробнице 3-го века кости древнеримского вельможи. А вот то, что рядом находится древний город Циррус, рядовой сириец не знает.

Я узнал о нём в первый же день пребывания в Сирии, но найти его удалось не сразу. Помехи были чрезвычайно серьёзными. Мои сирийские друзья были заняты тем, что вызволяли из беды двух российских женщин, потерявших во время хаджа в Мекку документы. В Сирию они попали по временным

документам, выданным с помощью русского посольства в Саудовской Аравии. Иорданию и Сирию проехали благополучно, а вот на границе с Турцией – не пропустили. Помог сирийский бизнесмен Мохаммед: дал деньги на проживание, купил билеты на автобус, обеспечил дальнейший путь и выпросил у турецкого консула разрешение на въезд в Турцию.

Мальчишки, боги и скромный сирийский учитель

Мне везёт на встречи с хорошими людьми. В том, что они случаются так часто, есть, по-видимому, и частичка моей «вины». Сидя на кровати, думал так: «Кондиционер высочайшее благо, гениальное достижение цивилизации, но под ним не просидишь весь день, даже если нужно акклиматизироваться». Осторожно открыв дверь, высунул нос наружу. Как из сауны в голову хлынула волна горячего воздуха. Но не влажного, как в Одессе, а сухого, «острого», как дамасский кинжал.

Рядом, на углу улиц Барон и Аль-Маари, находилось трёхэтажное здание музея Алеппо, известного на весь мир памятниками древних народов, населявших Сирию с 3-го по 1-й век до нашей эры. Я поспешил туда, на встречу с арамейскими «знаменитостями» – богиней Иштар и богом Хададом, попавшими в музей из местечка Тель Халаф, где размещалась столица арамейского царства Гузанна.

К сожалению, музей был закрыт, пришлось довольствоваться снимком, который я сделал через прутья металлической изгороди. Фотография получилась нетрадиционной, ибо вместе с богами, охраняющими вход в музей, в кадр попали местные мальчишки, спасающиеся от жары в декоративном бассейне.

Читателя поясню, что попало в объектив моего фотоаппарата. Божества (одно из них женского рода), демонстрируя мощь, попирают ногами льва и двух быков. На платье женского божества выбит клинописный текст следующего содержания: «Это дворец Копары. Мой дед и отец умерли и стали бессмертными, но не смогли сделать того, что сделал я. Если кто-либо сотрёт моё имя, чтобы поставить своё, то пусть семь его сыновей будут сожжены перед Хаддадом». Теперь, когда вы прочитали это, понимаете, почему древнюю надпись за несколько тысяч лет никто не пытался стереть.

Позавидовав мальчишкам, купающимся возле грозных богов, я поспешил на поиски гостиницы «Барон», старейшей в Алеппо, надеясь, кроме прочего, попасть в обнадёживающую струю кондиционированного воздуха. Кружась возле старинного особняка на соседней улице, рассматривая его то с одной, то с

другой стороны, я наткнулся на пожилого сирийца, по-видимому, давно наблюдавшего за мной.

– Вы из Германии? – спросил он. – Что ищете?

– Я с Украины. Ищу отель «Барон». Это правда, что в нём останавливалась Агата Кристи?

– Вот он, перед вами, – сириец показал на особняк, вокруг которого я кружил. – Сушая правда, останавливалась, когда приезжала к мужу-археологу, ведущему раскопки в Сирии в начале прошлого века.

Оказалось, мой собеседник, в прошлом учитель французского, владеет небольшой туристической фирмой. Подозреваю, он единственный её сотрудник. Разговор продолжили в офисе, расположенном рядом со знаменитой гостиницей и состоявшем из одной маленькой комнаты. Абдулла Абдулай, так звали моего собеседника, предложил услуги гида.

– Правда, завтра с утра я занят, везу французских туристов в греческий город Циррус, – предупредил господин Абдулай.

Я довольно серьёзно изучил историю Сирии, но ничего не слышал об этом городе. Видя моё удивление, Абдулла Абдулай пояснил:

– В 3-м веке до нашей эры город построил Селевк 1, полководец Александра Македонского, основатель царства Селевкидов. Там стоял гарнизон, охранявший владения Селевкидов от персов.

Первым желанием было немедленно звонить в офис компании «Аль Асаад», осуществлявшей поддержку моим инициативам в Алеппо, и предложить ехать на поиски этого города. Что я и сделал. Голос в трубке успокоил: «Всё будет нормально. Мы выделим вам микроавтобус для поездки».

Три гида на одного туриста – это очень много

Директор компании «Аль-Асаад» Асаад Халюм пожелал нам доброго пути и вручил бутылку замороженной сирийской минералки «Дрейкиш». Я тогда не знал, что господин Халюм сделал мне царский подарок. Он же – знал, что делает. Это я понял позже.

В ожидавшем микроавтобусе собралась целая экспедиция. Водитель – Махмуд. Абу Рашид, работник авиакомпании, соединившей Алеппо с российским Нальчиком. Его сын – Рашид. Таха Камбар. Его сын Тарик. Таха, познакомив

меня с Абу Рашидом, рассказал, что тот, выходец из соседнего с Наби Хури городка Бульбол, хорошо знает эти места и будет нашим добровольным гидом.

Оказалось, Абу Рашид около 20 лет прожил в России, не то в Костроме, не то в Калуге. Был экспертом-переводчиком по приобретению оборудования для нефтеперерабатывающих заводов. Женится на русской женщине, отсюда прекрасное знание русского языка. По его словам, в Алеппо около ста тысяч жителей знает русский – это семьи бывших сирийских студентов, проходивших обучение в российских вузах на протяжении более 30 лет.

Мы двинулись строго на север, в сторону турецкой границы. Абу Рашид проявил свои способности сразу же, как только мы выехали из города.

– Посмотрите направо, – сказал он голосом заправского гида. – Здесь до недавнего времени находилась могила английского генерала, командующего объединённым корпусом. В 1921 году он блокировал турецкую армию и помог Сирии избавиться от турецкого гнёта. К сожалению, после расширения дороги могила генерала была перенесена в другое место.

Ещё одним добровольным гидом стал сын Тахи – Тарик. Надо сказать, город он знал хорошо, и когда мы проезжали по Алеппо, показывал широкие проспекты и парки, площади и скверы, магазины, торговые центры, гостиницы и спортивные сооружения. И делал комментарии на английском языке. О Тарике я хочу рассказать отдельно.

Тарик и Абу Тарик

У сирийцев удивительно чуткое отношение к детям. Оно не просто трогательное и внимательное, оно закодировано в именах детей, которые ощущают родительское тепло и внимание с ранних лет и рано осознают себя полноправными членами семьи. Поясню...

Таха Камбар только для меня – Таха Камбар, а для остального арабского мира он Абу Тарик, дословно – «отец Тарика». Т. е., при рождении первенца отец теряет своё имя, как бы растворяясь в имени сына. Это символическое растворение, потеря своего «я», говорит об ответственности отца перед наследником и продолжателем рода. Отныне все помыслы главы семьи, все его дела связаны с одним – «поставить на ноги» старшего сына, а с ним и остальных детей. Нужно дать образование, помочь освоить профессию, удачно выдать дочерей и женить сына.

В Сирии действует древний арабский обычай, по которому жених должен заплатить за невесту калым. Его величина оговаривается на совместном совете семей. Кроме того, если жених не имеет собственного дома или квартиры, путь к дому невесты ему заказан.

Я несколько раз бывал в доме Камбара и видел, какой заботой и любовью окружены дети – Тарик и младшая дочь Сюзи. Оба учат в школе английский и французский языки. В доме есть компьютер. Тарик осваивает игру на национальном струнном инструменте – уд, Сюзи – на пианино.

– Тарик очень отличается от своих сверстников, – рассказывал Таха, когда речь заходила о сыне, – никто не даёт ему одиннадцати лет. Он вдумчивый, всем интересуется. С детства задаёт такие вопросы, что трудно на них ответить. Его энергии хватает на всё: на учёбу в школе, компьютер, занятия музыкой и спортом.

Что касается спорта, не знаю, но то, что на компьютере он работает, как заправский программист, в этом я убедился.

На пути в Циррус

Дорога петляла между холмами, поросшими оливковыми деревьями. Абу Рашид устал рассказывать, Тарик не знал этих мест, Таха и Рашид спали на заднем сидении. Я углубился в книгу на английском языке, которую принёс Тарик. В ней рассказывалось о путешествии по Сирии древних географов Геродота, Страбона и Арриана.

Иногда я отрывался от чтения и рассматривал небольшие деревеньки, попадавшиеся по пути. Все они похожи одна на другую. Дома окружены невысокими каменными заборами, окна смотрят не на улицу, а во двор, словно оправдывая поговорку – «мой дом, моя крепость». Надо сказать, эти места мало заселены. Всё свободное пространство занимают оливковые рощи. Возле них и на небольших полях между холмами, несмотря на зной, копошились крестьяне.

После городка Азиз наконец-то оживился Абу Рашид.

– Скоро подъедем к римскому мосту, – сказал он.

Трёхпролётный мост через небольшую речушку Сабун впечатлял. Он был высотой с трёхэтажный дом, отличался добротностью и крепостью. Видно, что с римского времени не подвергался ремонту.

Через километр ещё один римский мост, больше предыдущего – пятипролётный. Здесь мы сделали остановку и поплескались в воде. Поднявшись наверх, побеседовали с местным крестьянином, курдом по национальности. Он рассказал, что выращивает лук, и показал свои поля напротив.

Мосты, хотя и являются историческими памятниками, продолжают служить людям. Сирийцы, проезжающие по ним, приветствовали нас с гордостью за своё достояние.

Через пару километров мы подъехали к месту, где покоится святой Хури. Его саркофаг разместился в пристройке к гробнице какого-то вельможи римского времени. Из самой гробницы, имеющей вид башни с пирамидальным верхом, открывался прекрасный вид. Пока мы кожаным мешком черпали воду из расположенного поблизости древнего колодца, подъехал небольшой автобус. Из него высыпали дети, приехавшие поклониться святому.

Полцарства за глоток воды

Теперь пришло время рассказать о бутылке замороженной воды, которую дал мне в дорогу начальник Тахи Халюм Асаад. Стояла такая жара, что весь запас воды, который мы взяли с собой, превратился в горячий компот, который совсем не утолял жажду. Лёд в моей бутылке таял медленно, и каждый член нашей экспедиции доливал в свою бутылку ледяную воду, этим и спасался.

Наконец, на вершине одного из высоких холмов показались остатки стены. Мы въезжали в Циррус. Основанный Селевком 1 и названный в честь греческого города Серрес, он выполнял при Селевкидах роль опорного пункта Северной Сирии. При римлянах служил военной базой на границе с Персией: в городе квартировал легион 10-й Фретенсис. В византийскую эпоху Циррус сменил название на Агиополис («город святых»), поскольку здесь находились мощи святых Косьмы и Дамиана.

Мы излазили Циррус вдоль и поперёк. Впечатляющий вид открывался с вершины холма. За горами напротив – турецкая территория. До 2-й мировой войны эта земля принадлежала Сирии, а город Антиохия (сейчас – Антакья) был столицей страны ещё при Селевкидах. Именно в разделе территории Сирии колониальными державами Англией и Францией заложены многочисленные проблемы сегодняшнего дня.

Как на топографическом плане была видна главная улица Цирруса – кардо максимум – с сохранившимся кое-где покрытием из базальтовых плит, остатки

северных и южных ворот, античный театр на 3 тысячи мест, остатки двух базилик.

– Этот город практически не изучен сирийскими учёными, – посетовал Абу Рашид. – Я даже беседовал об этом в министерстве туризма. Говорят, пока не хватает денег.

Могу подтвердить слова моего друга. Ведь вполне можно было отреставрировать хотя бы развалины театра. Для любого государства мира он стал бы местом паломничества туристов. Но и более значительные исторические памятники Сирии ждут своих исследователей. Множество их изучено досконально, написаны значительные монографии, ещё больше находится в процессе изучения. Не зря Сирию называют музеем под открытым небом.

Проезжая обратно мимо мавзолея Наби Хури, мы увидели ещё одну небольшую группу арабских не то туристов, не то паломников. Они привязывали лоскутки к священному дереву, расположенному во дворе, чтобы святой выполнил их просьбы.

Когда мы отъехали от этого места на несколько километров, и нас, с просьбой указать дорогу к Циррусу остановили два молодых сирийца на мотоциклах, проехавшие более трёхсот километров из Дамаска, чтобы посмотреть на него, я понял – у древнего города есть будущее.

Сказание о монастыре Святого Симеона, просидевшего на столпе сорок лет

Кто такой святой Симеон Столпник

Ещё в детстве я слышал рассказы о византийском монахе Симеоне, сорок лет просидевшем на столбе. И только сейчас узнал, что этот незаурядный человек, поразивший православный мир, жил на территории Сирии. В 5-м веке сотни паломников из Греции, Египта, Италии, Франции и далёкого туманного Альбиона, где тоже появились христиане, приходили поклониться этому аскету из аскетов, испросить его благословения, исцелиться от недуга.

Арабский историк и писатель аль-Хазри в своем исследовании «Нахр аль-Дхахаб» пишет, что Святой Симеон родился в 392 году в деревне Сисан на границе Сирии и Киликии в семье пастуха овец. Когда мальчику исполнилось 13 лет (по другим источникам – в 20 лет), он решил посвятить свою жизнь служению Богу и поселился в монастыре Гелиодора (сейчас – Дейр Тель Ада). Там он провёл 10 лет, но, разочаровавшись в недостаточно аскетическом, по его мнению, образе жизни монахов, перебрался в другой монастырь в городе

Таланисос (сейчас – Дейр Семаан), недалеко от Алеппо. Он так усердно молился и укрощал плоть, что, вызвав зависть и раздражение других монахов, вынужден был удалиться в уединённое место на близлежащем холме. Сначала он жил в маленькой пещере. Потом, испытывая неудобства от пристально внимания потянувшихся к нему паломников, нашёл более уединённое место, где приковал себя цепями к камню.

Другой исследователь аль-Харави в книге «Аль-Исхарат» рассказывает, что дочь одного из местных правителей заболела проказой, и он поселил её недалеко от того места, где обитал святой Симеон, изолировав, таким образом, больную от общества. Однажды святой Симеон увидел её и попросил напоить его. Девушка выполнила просьбу, но, подавая воду, закрыла лицо рукой. Святой Симеон заинтересовался, почему она это делает. «Я больна», – ответила девушка. Тогда он набрал полный рот воды и прыснул ей в лицо – оно тут же с Божьей помощью очистилось.

Слава о целителе распространилась быстро. «Я говорю, – продолжает аль-Харави, – что когда люди приближались к нему, чтобы прикоснуться и получить благодать, Святой Симеон испытывал большие неудобства».

Чтобы находить покой и время для молитвы, Симеон построил двухметровую колонну и стал на ней жить. Чтобы добиться уединения, он несколько раз увеличивал высоту колонны, в конце концов, доведя её до 20 метров. На вершине колонны находилась площадка с деревянной оградой, откуда Симеон в одежде из грубо выделанной овечьей шкуры обращался к людям с проповедью.

Святой Симеон стал зачинателем нового направления – столпничества и имел много последователей-столпников. Среди самых известных – святой Даниил (409–493 гг.), святой Симеон Столпник Младший (517–592 гг.), святой Лука (879–979 гг.), святой Елизарий (968–1054 гг.).

Умер Святой Симеон Столпник (по-гречески Стилит) в 459 году. Император Лев 1 распорядился перенести его мощи в Антиохию в церковь Константина Великого. День смерти – 26.7.459 и день перенесения мощей Святого Симеона – 1.9.459 считаются православными праздниками.

Монастырь в память об учителе

Вскоре после смерти Симеона Столпника его ученик и последователь Даниил Стилит (Столпник) решил увековечить память об учителе – построить в его честь монастырь. До пострижения в монахи Даниил был богатым купцом. Энергию и предприимчивую жилку – черты, присущие ему в светской жизни,

удалось сохранить и в монашестве. Он обратился за поддержкой сначала к византийскому императору Льву 1, а когда тот ещё до начала строительства умер, к императору Зенону.

План был грандиозный – будущий монастырь обещал стать самым большим из доселе известных. Но главное заключалось не в этом. Даниил считал, что архитектурный комплекс должен стать образцом художественной и архитектурной мысли Сирии, таким же прекрасным, как жизнь прославленного учителя. Строительство началось в 476 г. и продолжалось 14 лет. К выполнению замысла Даниила были подключены лучшие мастера из Алеппо и Антиохии, а также приглашённые специалисты из Киликии и Месопотамии.

В 490 году работа была закончена. Перед глазами современников предстал прекрасный архитектурный комплекс, опередивший по исполнению европейскую архитектурную мысль на несколько столетий.

Площадь этого величественного сооружения составила 5 тысяч квадратных метров. Монастырь расположился на вершине горы, на высоте 564 метра над уровнем моря. Центром его стал «столп», или колонна, на которой Симеон провёл последние 40 лет жизни – остатки её сохранились и по сей день. Вокруг возвели восьмигранное сооружение, каждая сторона которого составила 10 метров. Двери открывались в четыре расположенные по сторонам света базилики. Таким образом, в плане получился громадный крестообразный храм, к которому примыкало трёхэтажное здание монастыря с кельями и служебными помещениями.

Воображение поражали не только грандиозные размеры монастыря и храма, но и тонкая работа сирийских мастеров: ажурные арки, украшенные резьбой фризы и колонны. Безусловно, какие-то элементы декора строители унаследовали от мастеров Древней Греции, но в целом, конструктивно сооружение было выполнено по другим канонам, из которых впоследствии родилась европейская архитектура.

Позже монастырский комплекс был окружён стеной с 27 башнями. Сделано это было неслучайно – почти 200 лет горы Джебаль Семаан и монастырь на вершине одной из них были пограничной зоной между арабами и Византией.

В 970 году византийцы нарушили мир с Алеппским эмиром и захватили древний город Апамею, расположенный южнее. В отместку арабы отвоевали монастырь, который они называли Калаат Семаан, «крепость Симеона». Монахи оставались жить в нём вплоть до середины 11 века. В 12 веке крестоносцы использовали его как крепость, из которой были выбиты в 1146 году арабским

военачальником Нур ад-Дином. Уже 1215 году путешественники отмечали монастырь как величественные руины, которым нет равных на земле. Паломники ещё долго приходили сюда, чтобы соскрести каменную пыль с колонны святого Симеона, которая, как считалось, помогала от болезней. Сейчас это место входит в число самых посещаемых туристами мест Сирии. Одним из его преимуществ является близость к Алеппо – путь до северной столицы Сирии занимает не более получаса.

К югу от Дамаска

Трагедия крепости Джендаль

Она спасла библейского героя Нимрода, вознамерившегося победить Бога, но не смогла защитить себя от современных варваров

Странное, на первый взгляд, увлечение: я коллекционирую древние крепости. Езжу по миру и делаю снимки. Особняком в этой коллекции стоит сирийская крепость Джендаль. Она связана с именем Нимрода, персонажа ветхозаветной Книги Бытия, сына Хуша, внука Хама, правнука Ноя, того самого, который вместе с сыновьями спасся от Всемирного Потопа.

Сирия – это музей под открытым небом, где бережно относятся к памятникам культуры и истории. Тем удивительней мне и моему спутнику, корреспонденту сирийской газеты «БААС» Джорджу Мураду, было узнать, что под боком у столичных чиновников современные варвары пытаются построить на руинах Джендаля что-то наподобие виллы.

Мы едем по Виа Марис

Прямое, как стрела, шоссе, проложенное на месте античной Виа Марис, начинается на юго-западной окраине Дамаска. Раньше древняя дорога соединяла Сирию с Палестиной. Сейчас она ведёт в никуда – к Голанским высотам, захваченным Израилем. На 11-м километре наша машина делает поворот вправо. Я никогда не бывал в этих местах, но хорошо изучил их по карте. Поэтому сейчас выступаю в роли штурмана. Водитель не доверяет моим знаниям и на каждом повороте спрашивает дорогу у местных жителей.

Он, как и большинство жителей Дамаска, никогда не слышал о каалат (крепость – арабск.) Джендаль. Откуда иностранцу знать о ней?

Через 5 километров после поворота – городок Катана. Делаем поворот влево сразу за мечетью. Ещё 7 километров, и мы на блокпосту в деревне Айсам аль-

Фока. Солдаты, не останавливая, провожают нас взглядом. Мой спутник Мурад считает из-за того, что на машинах нашего типа ездит высшее военное руководство.

На отрогах**sensored**мона, несмотря на июньскую жару, ещё лежит снег. За горой – израильская территория. Это зона строгого контроля, и не каждый может сюда попасть. До деревеньки Каалат Джендаль около километра. Я рассказываю моим спутникам о Нимроде.

Зачем он спорил с Богом?

О Нимроде в Книге Бытия сказано: «Он был сильный зверолов пред Господом». И ещё: «Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне, в земле Сеннаар».

Заметим, что юг Сирии граничил с землёй Сеннаар (в семитской транскрипции – Шинеар), которой исторически соответствовало государство Шумер, располагавшееся в Месопотамии. Поэтому неудивительно, что множество легенд связывают великана-охотника Нимрода (Нимруда – арабск.), царя соседнего Вавилона с районом**sensored**мона, где в древности водилось много дикого зверя. Удачу в охоте ему приносят сшитые богом для прикрытия наготы Адама и Евы кожаные одежды. Завидев изделия из кожи, звери становятся перед Нимродом на колени, и тот их легко убивает. Народ, видя это, провозглашает его царём.

Казалось бы, быть Нимроду благодарным Богу, но он покровительствует идолам и преследует Авраама, которому открылось откровение Божие. В легендах, связанных с Ветхим Заветом, Нимрод бросает Авраама в печку, в мусульманских – Нимрод нападает на Ибрахима (Авраама – арабск.) с огромными полчищами воинов. Ибрахим выходит на бой один, тем не менее, всё войско Нимрода уничтожено тучами налетевших комаров.

Неограниченная свобода и власть вскружили голову царю-охотнику, и он возомнил себя сильнее Бога. Нимрод строит в Вавилоне башню, по которой собирается взобраться на небо.

Потерпев неудачу и здесь, гордец пытается взлететь в небо в ящике, который несут четыре орла, вскормлённых мясом. Поднявшись к облакам, Нимрод принялся пускать в небо стрелы. Архангел Джебраил (Гавриил) возвращает их обратно, окрасив кровью, и Нимрод думает, что ранил самого Бога. Но орлы устали, и, по местной легенде, Нимрод упал на землю возле горы**sensored**мон.

В местечке Кафр Хауар (в 7 километрах южнее калаат Джендаль) напротив школы находилась 8-метровая могила Нимрода, уничтоженная двадцать лет назад при прокладке дороги. Эта местность до сих пор называется Нимруд. По преданию, за грехи Нимрода на его могиле никогда не выпадала роса.

В традиционной мусульманской мифологии Нимрод ещё четыре столетия вёл нечестивый образ жизни. Ангел предлагал ему покаяться в грехах, в ответ Нимрод вызвал Бога на бой. Но опять полчища великана рассеяны тучами комаров, а одно насекомое через нос проникло в мозг нечестивца, отчего тот сорок лет терпел адские муки. Одни говорят, Нимрод получал облегчение, когда слышал удары молота о наковальню. Другие утверждают, что боль затихала, когда он бил себя дубиной по голове.

Местные жители покажут вам растущие вдоль дороги необычные кустарники, в плодах которых, если их разломить, можно обнаружить личинки комаров. Не кроется ли в этом объяснение о тучах насекомых, берущихся неведомо откуда?

Несостоявшаяся полемика

– Отчего в легендах многих народов есть рассказ о гордецах, восставших против бога? – спросил Жорж, когда мы въезжали в селение Калаат Джендаль.

Утёс, обвитый домишками до самой вершины, отдалённо напоминал Вавилонскую башню, тянущуюся в небо. Где-то на вершине должна была быть крепость, которую мы искали.

Я не нашёлся, что ответить моему спутнику, но, вернувшись домой, попытался найти объяснение. Мифы – отражение истории развития человечества. Человек не сразу пришёл к Богу, а через тернии.

«Согласились бы мы, – пишет С. Франк, – чтобы Бог с самого начала создал нас такими, чтобы мы автоматически, сами собой, без размышления и разумного свободного решения, как эта река, исполняли Его веления?... Царство Божие, которое получалось бы «даром» и было бы раз навсегда предопределено, совсем не было бы для нас Царством Божьим, ибо в нём мы должны быть свободными соучастниками божественной славы, сынами Божьими, а тогда мы были бы не то что рабами, а мёртвым винтиком какого-то необходимого механизма».

Таким образом, в процессе человеческого развития должна существовать возможность пойти по ложной дороге, по-своему оценить и себя и своё место в мире.

«Пользуясь данной ему свободой, – считал отец Александр Мень, – человек не только изменил своему призванию, но оказал ему сознательное сопротивление. Библия изображает это в виде посягательства на плоды «Древа Познания добра и зла», а мотивом нарушения заповеди называет желание людей «быть как боги».

Эти мотивы вплетены во многие легенды и мифы. Так можно объяснить борьбу титанов и греческих богов, похищение огня Прометеем, отвергнутую героем шумерского эпоса Гильгамешем любовь богини Иштар, аналогичный поступок в отношении карфагенской царицы героя троянской войны Энея.

Как победить современных «нимрудов»?

Мы долго кружили по утёсу, взбираясь по спирали всё выше и выше, но никак не могли найти крепость. В этой местности, в основном, живут христиане. Мы не заметили в селении ни одной мечети, зато увидели две православные церкви – Св. Георгия и Св. Михаила.

– Скажите, где крепость? – спрашивали мы.

– Там, – указывали жители на вершину.

Мы приезжали на неё, но, не видя ничего кроме нескольких строений, спускались ниже. Наконец, пойдя на очередной круг, увидели на самой вершине машину с людьми.

Словно сжалившись над нами, один юноша показал рукой на причудливые обломки скалы. Поднявшись по камням чуть выше, мы оказались на ровной площадке и застыли от изумления. По краям площадки возвышались обломки стен, высеченные из туловища скалы. Зрелище было фантастическое! Сверху открывался потрясающей красоты вид. Когда видишь бесконечную вереницу холмов и долин, заснеженные вершины массива*~~sensored~~*мон, понимаешь, почему именно здесь родились легенды о человеке, бросившем вызов Богам. Действительно, энергетика этих мест такова, что кажется, всё тебе по плечу.

К сожалению, не все в этих местах понимают свободу правильно. Там же, на вершине, дома практически заслонили уникальную крепость. Если смотреть снизу, с дороги, то взору открывается лишь что-то наподобие виллы с телевизионной тарелкой на крыше. На самой же крепости ведутся строительные работы. В гранитное основание вбиты арматурные стержни. Что здесь собираются строить современные потомки Нимруда?

Семитский корень его имени «мрд» означает «бунтовать», «восставать». В мусульманской мифологии образ Нимруда – олицетворение насильника. Неужто современные «нимруды» замыслили насилие над историей собственного народа? Неужели навсегда может исчезнуть уникальная крепость, расположенная всего в 30 километрах от Дамаска и простоявшая на утёсе у отрогов*~~censored~~*мона более тысячи лет?

– Знаешь, – сказал мне Джордж, когда мы садились в машину – я расскажу в своей газете об этом факте, не свойственном народу Сирии. Нужно остановить руку варваров, забывших о своих корнях.

Послесловие. Джордж сдержал слово. Через неделю в центральной сирийской газете БААС были опубликованы мои снимки крепости Джендаль и рассказано о нашей поездке. После чего незаконное строительство было запрещено.

На родине императора Филиппа-Аравитянина

Южная Сирия – Римская империя в миниатюре

Если проехать на юг от Дамаска 35 км по скоростной магистрали, попадаешь в странную местность, напоминающую съёмочную площадку фантастического фильма. Слева от шоссе земля, сколько ни кинешь взор, усеяна чёрными гигантскими базальтовыми глыбами. «Космический» пейзаж тянется несколько десятков километров, вплоть до границы с Иорданией. Этот район, получивший название Хауран (от античного Аурантис – «низкие земли») – родина императора Филиппа, правившего Римом с 244 по 249 г.г. Свое название местность получила вполне обоснованно. Сам Дамаск находится на плато высотой около 700 м. Слева от Хаурана – горные массивы Антиливана и Голанских Высот с вершинами до 3-х тысяч м, справа – массив Джебель аль-Араб, высшая точка которого – гора Тель-Гинс (1860 м). Особенно труднодоступна из-за валунов, кстати, вулканического происхождения, северная часть Хаурана, называемая Леджа (на арабском – «убежище»). Древнегреческие авторы называли эту местность Трахонитидой – «страной камня».

Удивительно, как в этом каменном царстве возникали небольшие деревеньки, более того, крестьяне умудрялись выращивать виноград, вино из которого славилось на всём Ближнем Востоке.

... Не каждому удаётся посмотреть юг Сирии в полной красе. Обычно туриста завозят в три «точки»: Шахбу, Канават и Босру. Но если попадётся знающий

экскурсовод, он покажет множество богатых, хорошо сохранившихся вил римского времени в Хауране. Сейчас в них живут арабские семьи, которые поддерживают жилище в чистоте и порядке и показывают интерьер любому желающему. Там и сям разбросаны сторожевые башни, остатки военных фортов, мавзолеи и гробницы, театры, акведуки, храмы. Нигде в Европе, достигшей высокого уровня урбанизации – ни в Греции, ни в Италии, ни в Испании, где я побывал в поисках достопримечательностей античного времени, нет такого обилия древностей, плотно распределённых на большой территории. В Хауране ощущаешь себя словно в машине времени, перенёсшей тебя на 2 тысячи лет назад. Вот и получается, что юг Сирии – это Римская империя в миниатюре. Причём, сохранность исторических объектов – удивительная. У нас даже большинство памятников 19 века не сохранилось или повседневно уничтожается. Когда же попадаешь в Хауран, кажется, что подданные Римской империи только вчера оставили места своего обитания.

«Звезда» футбола Зидан – точная копия Филиппа-Аравитянина

Будущий император родился в начале 3-го века в деревеньке Шахба на границе Леджи и гор Джебель-Араб. Кажется, суровый пейзаж наложил отпечаток на облик Филиппа. Если мы посмотрим на бюст императора, хранящийся в Эрмитаже, то увидим лицо, будто высеченное из камня. Нахмуренные брови. Грозный настороженный взгляд. Тяжёлый, мясистый нос. Глубокие морщины щёк, как бы образующие треугольник с резкой горизонталью толстых губ. Могучая шея, а на груди – широкая поперечная складка тоги, окончательно придающая мраморному бюсту подлинно гранитную массивность, крепость и цельность.

Кто бы мог подумать, что сын арабского шейха станет императором Древнего Рима! Но в эпоху «солдатских императоров», когда в армии и гвардии, как бы соревнуясь друг с другом, солдаты «назначали» императорами своих командиров, всё было возможно. Тем более что Каракалла (полное имя Марк Аврелий Север Антонин Август), взошедший на престол на тридцать три года раньше Филиппа, издал в 212 г. эдикт *constitutio Antoniana*, дарующий права римского гражданства всем жителям империи, до самых отдалённых провинций в Испании, на Балканах, Ближнем Востоке и Африке. Так что императорами становились Максимин из Фракии, Диоклетиан из Долмации, Требониан из Галлии – выходцы из простых, не аристократических семей, подчас не умевшие ни писать, ни читать. Воистину торжество римской «демократии» в период глубокого кризиса империи, приведшего к её распаду! Это и предупреждение для идеологов всякого рода цветных революций двадцать первого века, заигрывающих с народными массами и спекулирующими на чувствах и желаниях толпы.

Каждый римский император считал своим долгом оставить по себе зрительно осязаемую память. Например, Веспасиан соорудил в столице империи Колизей, арену для гладиаторских боёв, Тит – величественную триумфальную арку, Адриан – здание Пантеона, вместилища всех римских богов, Каракалла – гигантские термы (общественные бани). И только грозный араб Филипп не оставил Риму ничего – он боготворил свою родину, Сирию, и создавал на юге, в Хауране, маленький Рим, с любовью отстраивал родную деревеньку Шахбу, украшал города Босру и Канават.

Босра

Город расположен в 90-х км южнее Дамаска. Он считается одним из самых продвинутых туристических мест Сирии. Здесь даже есть пятизвёздочный отель. Для того чтобы осмотреть Босру, мало одного дня – она буквально напичкана древностями разных эпох!

Главная достопримечательность – огромный театр, окружённый глубоким рвом, больше напоминающий неприступную крепость. Он и воспринимался местными жителями как крепость, пока в середине 50-х годов прошлого века археологи не приступили к раскопкам. Работа была такая трудоёмкая, что пришлось проложить рельсы для вагонеток. Когда вынули несколько сотен тысяч кубометров земли, археологи пришли в восторг. Диаметр зрительного зала был 100 м, длина сцены – 40, ширина – 8,5 метров. 35 рядов сидений вмещали 6 тысяч человек, со стоячими местами число зрителей могло достигать 10 тысяч. По объёму, красоте и величию это сооружение не имеет равных и может сравниться разве что с римским Колизеем.

Теперь о втором предназначении театра, стратегическом. Он действительно использовался как крепость. Судя по находкам, театр – крепость был сооружён в римское время и являлся убежищем для жителей в последующее «смутное» время, во время войн Византии и арабского халифата. Каждый временный хозяин города использовал театр как бастион против неприятеля и всячески укреплял его. Особенно это было характерно для эпохи крестовых походов.

Две первые крепостные башни были пристроены с обеих сторон сцены в 11 веке дамасскими правителями династии Сельджуков. Через несколько лет очередной правитель для удобства обороны засыпал зрительный зал до уровня верхних сидений (потому он так хорошо сохранился) и соорудил ещё одну юго-западную башню. Это позволило арабам отбить атаки крестоносцев: Бодуэна 3-го в 1147 и Бодуэна 4-го в 1184 году. С 1202 по 1251 год правившая в то время династия Айюбидов пристроила по периметру театра ещё 8 башен и превратила его в неприступную крепость.

От римского времени остались и другие сооружения – храмы, термы, рынок, арки. Интересен подземный тоннель («криптопортик» – по-гречески), тянущийся под центром города на 106 метров. В нём тепло зимой и прохладно летом. Он тоже использовался как рынок.

Город был центром торговли: соединял караванные пути между Персидским заливом, Красным и Средиземным морем. Состоятельные граждане были в большом почёте. Историк и географ Страбон отмечает, что жители имели такую сильную склонность к увеличению богатства, что штрафовали каждого, кто терпел убытки, и оказывали почести тому, кто своё богатство преумножал. Особенно велико значение Босры было в римское время. Император Филипп даже разрешил городу чеканить собственную монету.

Шахба

Находится в 42 км южнее Дамаска. Если въехать в него через северные ворота и добраться до пересечения двух главных улиц декумануса и кардо, попадаешь в образцовый римский город. Справа от кардо возвышается портик из 4-х колонн, чуть дальше городская площадь – форум, обрамлённая интересными античными сооружениями. Самое крупное, характерное только для Харуана здание, по-гречески называемое «иера калибэ» – святая хижина. Это храм открытого типа без крыши, жилище Бога, к которому ведёт монументальная лестница. Такие храмы во множестве разбросаны по всему региону. Справа за аркой видны остатки дворца. Слева – храм, посвящённый членам семьи императора – филиппейон. Это неплохо сохранившееся здание квадратного вида стоит на небольшой скале, обработанной под цоколь. Стены внутри украшены пилястрами и нишами. Над одной из них сохранилась надпись – «богу Марину». Здесь стояла статуя отца Филиппа – Юлия Марина, объявленного богом. За филиппейоном расположился хорошо сохранившийся театр, диаметром сорок метров. Его окружают сводчатые галереи, служившие в качестве фойе. Впечатляют своими размерами термы – обширный прямоугольный зал с примыкающими помещениями. В одном из них сохранилось несколько бассейнов с невысокими парапетами. Это фригитарий – место отдыха. При термах имелся спортивный зал, библиотека. Через дорогу – остатки арки, являющейся частью акведука, проложенного с гор и снабжавшего город водой.

В Шахбе раскопаны богатые виллы, в некоторых обнаружены превосходные мозаики, по красоте соперничающие с найденными в легендарных Помпеях. В одной из вилл устроен шикарный музей мозаик – сокровищница, которой может позавидовать любая страна мира. В музее хранится голова Филиппа, найденная в Шахбе на развалинах терм.

Канават

Расположен в 18-и километрах южнее Шахбы. Этот город, один из древнейших в регионе, упоминается в Библии (Книга Чисел 32:42), как Кенаф. Древние набатеи, а позже и римляне, называли его Канафа. Город разбросан на холмах, поросших кустарником и каменным дубом. В 1-м веке до нашей эры он считался самым крупным городом Харуана. О былом величии свидетельствует тот факт, что руины старого города располагаются на площади 130 гектаров. До прихода римлян в 60-м году до нашей эры окрестности Канафы служили прибежищем организованных групп разбойников, которые совершали набеги на торговые караваны, шедшие в Дамаск из Египта. С ними долгое время не могли справиться ни местные правители, ни римляне. Пока последние не соорудили мощёную бульжником дорогу, проходившую через самый опасный участок Леджу, где, по преданию, среди прочих орудовала шайка отца будущего императора. Отдельные фрагменты дороги хорошо сохранились до наших дней на участке в 20 километров между деревнями Мисмия и Арика. Там можно увидеть остатки сторожевых башен, столбов, куски мощёной дороги шириной 6 м.

На въезде в Канават вас встречает скульптура лежащего льва. В 300-х метрах от него расположены руины храма бога солнца Гелиоса, построенного во 2-м веке. Сохранилось лишь семь из 27 коринфских колонн, но по ним можно судить о былом величии и красоте храма.

В центре города сохранена древняя площадь, мощёная ещё в римское время с целым комплексом древних сооружений 2-го века. Если от площади спуститься вниз к реке Вади аль Гар, можно увидеть несколько построек времени Филиппа. Это остатки терм. На противоположном берегу реки – одеон – сооружение, предназначавшееся для выступления певцов и поэтов. 9 рядов скамей, высеченных в скалистом откосе, окружают 12-метровую в диаметре оркестру – место, на котором находились артисты. Выше по течению – романтическое место нимфеум – храм, посвящённый нимфам, с фонтаном и скамьями для беседы.

Откровенно говоря, у археологов попросту не дошли руки до Канавата. Без сомнения, город ждёт большое туристическое будущее и известность.